

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

Арвендейн
дерзкий рейд

Арвендейл

Роман ЗЛОТНИКОВ

Дерзкий рейд

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Дерзкий рейд / Р. В. Злотников — «Эксмо»,
2017 — (Арвендейл)

ISBN 978-5-699-99504-2

Долгожданное продолжение приключений Троя, герцога Арвендейла, и его друзей. Темный бог орков низвержен, но их чудовищная орда все еще занимает столицу Империи людей, блистательный Эл-Северин. Как освободить город и спасти остатки его жителей? Как не допустить того, чтобы изгнанные из столицы орки не прошли безжалостным катком по уцелевшим провинциям Империи?...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99504-2

© Злотников Р. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

1	12
2	19
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Роман Валерьевич Злотников

Арвендейл. Дерзкий рейд

© Злотников Р.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

– Стоять, самка!

Молодая, но весьма грузная орчанка, одетая в традиционную синюю женскую накидку, богато украшенную блестками, золотой вышивкой и заколками с драгоценными камнями, резко развернулась и уставилась на воина, перекрывавшего лестницу, яростным взглядом.

– Что-о-о? Ты видно забыл, кто я такая, воин! Тебе напомнить?! – после чего так полыхнула взглядом, что старый, опытный боец, прошедший не одну схватку (а другие в Священную тысячу и не попадают), невольно отшатнулся.

– Так это... – слегка смешавшись, начал он. – Там же того... ритуал... шаманы... Великий Хылаг повелел никого не пускать... ну покамест не закончат...

– Он тебе сам это повелел? – ядовито осведомилась стоящая перед ним орчанка. Богатство материала накидки и сложный орнамент покрывающей ее вышивки явственно показывали, что она не просто самка, а жрица самой Шиг-Хаоры. Причем явно немаленького ранга... Впрочем, никакими «явственно» и «причем» тут и не пахло. Потому что воин, несший охрану на нижней ступени лестницы, ведущей к храму Матери орков, отлично знал ту, что сейчас набросилась на него с такой яростью. – Лично?

Орк недовольно заворчал. Эта... эта... эта самка умела ужалить языком, не хуже змеи-песчанки, которых вокруг Ахлыг-Шига водилось довольно много. Ведь знает же, что Великий Хылаг никогда не снизойдет до того, чтобы приказать что бы то ни было простому воину. Пусть даже и состоящему в Священной тысяче. Приказ никого не пускать отдал ему его десятник. А тому – сотник. А тому – тысячник Священной тысячи. А вот уже ему приказ мог отдать и Великий Хылаг. Да и то вряд ли. Скорее всего, это повеление донес до тысячника один из шаманов, входящих в свиту Великого.

– Нет, – сердито пробурчал он, стараясь не смотреть в глаза разъяренной самке. Эх, как же хорошо ему жилось в родном стойбище. Там все было устроено по заветам предков. И ни одной самке никогда бы не пришлось в голову посметь разинуть рот на воина. А если бы и пришлось... Да ее даже жрать бы не стали. Нахрен брать в рот всякую гадость! И зачем он согласился войти в Священную тысячу? Еще и честью считал, дебил! Нет, города – это зло. Как, впрочем, все, что исходит от людишек. Они – мясо, и точка. И перенимать от них что бы то ни было: города, дороги, корабли, письменность и уж тем более вот такую вот большую свободу для самок – сушая глупость...

– Тогда – прочь с дороги! – рявкнула орчанка. – Это – храм Шиг-Хаоры, а я – ее жрица. Никто не смеет препятствовать жрице Величайшей приникнуть к ногам богини!

Боец снова глухо заворчал и бросил отчаянный взгляд за спину орчанки. Ну что ты будешь делать – никого! Ни разводящего, ни начальника караула. Ну, еще бы – дураков становиться поперек характера Злобной Гужбе, Старшей жрице Шиг-Хаоры и дочери самого Великого Хылага в Священной тысяче было немного. И никто из начальников попавшего ей под горячую руку часового к таковым совершенно точно не относился. Так что даже если они в настоящий момент и имели сомнительное удовольствие наблюдать происходящее, у них явно хватило ума не появляться. Но ему-то что теперь делать? Не пускать? Так ведь вообще со свету сживет! Всем в Священной тысяче было известно, что эта тварь жутко злопамятна. И сил у нее вполне достаточно. Ну да иначе хрен бы она стала Старшей жрицей Шиг-Хаоры. Несмотря на все свое родство с Великим... Нет, в младшие жрицы он бы, скорее всего, сумел бы дочурку пропихнуть. Сколько бы у нее силы ни было. Если бы, конечно, захотел. В чем, кстати, были

сильные сомнения. Ибо несносный характер Злобной Гужбы явно доставлял немало проблем и самому Великому... Но вот старшие ранги в жреческой иерархии определялись только уровнем силы, которым жрец или жрица могли оперировать. И слабосилку в Старшие жрицы никто бы не произвел. И никакие семейные связи не помогли бы. Впрочем, настолько глубоко воин не заглядывал. Он точно знал, что Злобная Гужба, несмотря на всю свою молодость и женскую сущность, зараза еще та. И становиться у нее на пути – верный способ поиметь множество неприятностей. А начальства, на которого можно было бы скинуть стоящую перед ним большую проблему в синей накидке, поблизости не наблюдалось. Поэтому он тяжело вздохнул, бросил еще один тоскливый взгляд в сторону караулки и нехотя отодвинул тяжелый боевой ассегай Священной тысячи, открывая этой злобной гадюке путь на лестницу, ведущую к храму. Та напоследок окинула его злым взглядом, на счастье бойца больше ничего не сказав... Затем подобрала подол накидки и быстро двинулась вверх по лестнице. Похоже, она действительно торопилась.

– Да чтоб тебя духи прокляли, – пробормотал воин, когда синяя накидка исчезла за поворотом лестницы, после чего опустил пятку ассегая на землю и грузно оперся на него. Вот стой теперь и гадай, чем обернется подобное неисполнение приказа? Если эта своенравная дочка Великого принесет отцу какую-нибудь важную весть – так, может, и ничем. А если опять устроит отцу дикий скандал, на которые она, как всем в Ахлыг-Шиг было давно известно, являлась великой мастерицей – так и могут сквозь строй прогнать! Получить по хребту древками тяжелых ассегаяев целой сотни – удовольствие ниже среднего. Несмотря на то, что у орков шкура куда как толще, чем у этих дохлых людишек, даже им после подобного светит дня три, а то и четыре, отлежки. А ведь он уже выпросил у десятника после сегодняшней смены четыре дня отпуска. Собирался сгонять в родное стойбище. Его племя этой весной перекочевало в среднее течение Помака, так что стойбище его рода сейчас располагалось не очень-то далеко отсюда... И провести эти четыре дня, отлеживаясь в казарме, после того, как тебя прогнали сквозь строй, ему совсем не улыбалось.

Между тем ритуал в храме Шиг-Хаоры шел своим чередом. Верховный шаман Хылаг, старший советник Великого вождя Гыхага, только три месяца назад сменившего на этом посту прежнего Великого вождя Ыжанга, скинул с жертвенного алтаря останки очередной жертвы и мотнул головой, давая команду двум шаманам-помощникам тащить следующее тело. Помощники молча подтащили жертву к алтарю и привычным движением бросили ее на плиту алтаря. Жертва придушенно вякнула и осталась лежать, безвольно свесив голову набок... По древним канонам жертва, приносимая Шиг-Хаор (как, впрочем, и любому другому Темному богу), должна была быть в полной силе и здравом уме, а разделять ее требовалось так, чтобы она при этом визжала и извивалась от боли, но соблюдать эти каноны перестали еще лет двести назад. При Верховном шамане Нхрыге. Уж больно кровавым и напряжным являлся организованный по канонам процесс... Нет, чуть позже, при Дыхгаге, сменившем Нхрыга на посту Верховного, опять возвратились к древним канонам. Но ненадолго. Только на время, пока Верховным шаманом был сам Дыхгаг, который прославился среди вождей и шаманов не только приверженностью древним традициям, но и крайними неуживчивостью и твердолобостью. Поэтому и сдох... Хотя – официально – Верховный шаман всех орков Дыхгаг ушел к Матери вследствие несварения желудка, на самом деле все было не совсем так. То есть... м-м-м... произошедшее с этим твердолобым фанатиком действительно можно было трактовать как несварение желудка. Ну, с некоторой натяжкой... Потому что какой желудок способен справиться с тремя ладонями орочьего сплава, проникшими в него снаружи? Вот и произошло несварение... А вот не надо было открыто пенять в глаза уважаемым оркам – родовым вождям, шаманам племен и городов, а также жрецам и жрицам в том, что они-де забыли заветы предков, изнежились и начали подражать никчемным людишкам, чье предназначение в глазах настоящего орка может быть только одно – быть добрым мясом на его зубах... После чего

древние каноны были упрощены окончательно... К тому же, если делать все, как указано в тех старых канонах, богатые одеяния Верховного шамана, выполненные из драгоценного разурга-райна и украшенные искусной вышивкой и золотыми фигурками людей, животных и духов-олицетворений, после ритуала годились бы только на выброс. А проводить ритуал одетым в отрепья, будто он являлся не Верховным шаманом орков, а каким-нибудь походным шаманом мелкой разбойничьей ватаги, Хылаг не собирался. Не по чину это... Так что и сегодня все шло вполне установившимся и привычным порядком. То есть перед ритуалом жертву опоили крепкой маковой настойкой, приводя ее в такое состояние, когда той было все равно, что там с ней происходит. Эвон как помощники шмякнули опоенное тело об камень, а оно только мявкнуло, и все... И сам Верховный, а также и его помощники был, как обычно, облачен в богатые одеяния, укрытые, правда, толстыми кожаными передниками. Все-таки жертвоприношение, даже если жертвы опоены и не способны сопротивляться, – достаточно кровавый ритуал... Ну и ручки ритуальных жертвенных ножей из обсидиана были аккуратно обернуты кожаными ремешками. Чтобы не ранить руки. Всем же культурным оркам понятно, что эти бредни насчет «окропить алтарь кровью жертвы, смешанной с кровью орков», – суть всего лишь глупости темных и ничего не понимающих предков, не имеющие никакого отношения к реальности. Древние орки жили трудно и кроваво, поэтому и напридумывали себе всяких уродских ритуалов с элементами садизма и мазохизма. Но зачем им, их умным и образованным потомкам, тупо заниматься тем же самым?

Верховный шаман отработанным тысячами повторений жестом вскинул вверх руку с зажатым в ней жертвенным ножом, а затем столь же привычным движением резко опустил его вниз, одним махом развалив грудную клетку жертвы, наконец-то заставив ее скорчиться от боли.

– Эхмаг-га! – громко взревели ритуальную аккламацию Старшие шаманы, стоявшие полукругом перед Троном Шиг-Хаоры, и сразу же затаили очередную литию, под звуки которой Хылаг погрузил лапу в разрубленную грудь и, стиснув сердце жертвы, корчившейся от боли, резким рывком вырвал его. После чего аккуратно отодвинул от тела стиснутый кулак со все еще бьющимся сердцем (ну, чтобы брызги крови не попали на богатое одеяние) и, сделав шаг вперед, столь же аккуратно-привычным жестом уронил его в жаровню, над которой билось Темное пламя...

– Эхмаг-га! – снова взревели шаманы. А Верховный отступил на шаг и зорко взгляделся в пламя. То принялось нехотя облизывать брошенное в чашу человеческое сердце, постепенно наливаясь цветом... Да уж – сколько они провозились, пока смогли вновь его зажечь... Сорок дней, сорок проклятых дней, длился ритуал. Подушную подать пришлось поднять в десять раз. Огромные загоны для мяса, расположенные в Ахлык-Шиге, пустели за сутки! Запас обсидиановых ножей, которые по древней традиции изготавливал только один орочий род, кочующий у Черной горы, почти полностью исчерпался. А как иначе-то? Вулканическое стекло – это не орочий сплав. Оно куда хрупче, и его нельзя заточить. Так что стоило лезвию чуть затупиться, как одно неловкое движение уставшей руки лишало храм еще одного ножа. А таких неловких движений за эти сорок дней случилось много. Потому что, для того чтобы орудовать ритуальным обсидиановым жертвенным ножом, нужна большая сноровка, каковой в столице обладало всего около десятка шаманов. А при той бешеной работе у алтарей их всех не хватало даже на одну смену. Потому что ритуал возжжения Священного огня требовал настоящей гекатомбы! Так что к жертвенному алтарю встали все, кто хоть что-то мог. Вот ножи и полетели как ласточки. А ведь тот род делал всего по две дюжины ножей в год. Впрочем, обычно их не только вполне хватало, но и за прошедшее время был накоплен довольно большой запас. Который за эти сорок дней весь и ушел.

– Крак! Хресь! Шлыс-с-с... – во вторую чашу полетели почки и печенька.

– Эхмаг-га! – рев шаманов вновь разнесся над Ахлыг-Шигом. Верховный же продолжал работать как гребец на боевой галере – язык, глаза, селезенка, левая голень... Сотня ударов сердца, и он вновь повернулся к шаманам-помощникам и мотнул подбородком. Те подхватили новое тело и ловко бросили его на склизкую от крови множества предыдущих жертв поверхность алтаря.

Когда была разделана последняя жертва, Хылаг устало повернулся и уставился на два язычка Темного пламени, трепетавшего над чашами. Получилось или нет? Вроде как язычки пламени стали чуть-чуть крупнее и темнее. Но все равно, по сравнению с тем, каким пламя было до того, как... Верховный зло скрипнул зубами. Проклятые человечешки! Все они такие гнусные, подлые, скрытные, всегда готовые испортить, словчить, предать. Как бы ему хотелось уничтожить их всех!

Между тем площадку перед Троном Шиг-Хаоры начал заполнять легкий гомон голосов. Все, участвовавшие в ритуале, устали. Возможно, не так, как Хылаг, на которого пришлась основная нагрузка, но тоже довольно сильно. Хотя это еще надо посмотреть... Хор Старших шаманов, например, торчал перед Троном, выводя гимны Матери орков, всю ночь. А помощникам Верховного пришлось волоочь жертвы на верхушку скалы на своем горбу. Опоенные сами идти не могли...

– Ты снова резал опоенных!

Верховный дернулся как от удара. Ну вот опять... Он повернулся и, слегка сгорбившись, махнул лапой, давая сигнал остальным участникам только что закончившегося ритуала о том, что они могут быть свободны. Шаманы, насупившись, окинули злобными взглядами грузную фигуру в синей женской накидке, внезапно объявившуюся на верхней площадке лестницы, после чего неплотной гурьбой потянулись в сторону спуска, на ходу продолжая переговариваться и неодобрительно покачивая головами.

Дождавшись, пока спина последнего из них скроется за обрезом лестницы, Верховный шаман всех орков резко развернулся и сумрачно уставился на ту, которой здесь быть совершенно не должно.

– Как ты прошла?

Гужба высокомерно хмыкнула.

– Кто посмеет остановить Старшую жрицу Шиг-Хаоры, которой необходимо было припасть к стопам Величайшей?

– Значит, ты опять задурила голову охранникам и прорвалась через воинов Священной тысячи, – вздохнул Хылаг. – Ну как ты не понимаешь? Подобными поступками ты делаешь только хуже. Причем нам обоим. Благодаря тому, что ты не считаешь для себя зазорным нарушать вековые запреты, на меня уже косятся и вожди, и Совет шаманов. А если я потеряю должность...

– Во-первых, хрен ты что потеряешь – твоя должность пожизненная... – криво усмехнувшись, начала его дочь.

– У Дыхгага была такая же, – прервал ее спич Верховный, вернув ей не менее кривую усмешку. – Но его, как ты знаешь, все равно... забаллотировали. Хотя и особым образом, так сказать.

Но его кровиночку было не так-то просто сбить с мысли. Поэтому она спокойно закончила:

– ...а насчет нарушения запретов – должна тебе сказать, что такая уж у меня наследственность, отец.

Хылаг побагровел. Ну вот кто ее тянет за язык? Ему и так удалось замять тот скандал с огромным трудом. И вот ведь удивительно, помогло ему в этом как раз то ужасное событие, благодаря которому скандал и разгорелся. А именно – потухшее Темное пламя. Шаманов, умеющих проводить ритуалы подобного рода и обладающих для этого достаточной силой, никогда

не было много. Максимум трое-четверо в поколение. А в тот момент в Ахлыг-Шиге в наличии вообще был только один он. И потому именно он первым почувствовал изменение магического фона. Хотя и не сразу понял, чем это вызвано. То есть в первый момент он вообще посчитал, что это последствия ритуала по развоплощению короны Марелборо. Типа, сильный артефакт враждебной направленности при разрушении ударил откатом... Даже еще порадовался, что не поддался тщеславию и не стал лично участвовать в долгой литании, являющейся частью многодневного ритуала развоплощения, представив каково бы было ему, как высокопоставленному Посвященному тьме, при столь резком падении подпитки... Но когда уже к обеду это самое падение потока энергии Тьмы не только не приостановилось, а даже усилилось, причем настолько, что его стали ощущать не только шаманы, но и воины, до него дошло, что что-то пошло не так. Но сразу наверх к Храму он не бросился. Потому что, будучи опытным царедворцем и интриганом, понимал, что если случилось действительно что-то ужасное, то в первую очередь следует быстро найти кого-то, на кого можно скинуть главную вину. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы вину за произошедшее повесили на тебя... Поэтому Хылаг сначала отдал приказ Священной тысяче проверить все мясные загоны в Ахлыг-Шиге, все время проверки продолжая делать вид, что ничего не происходит, и лишь получив доклад о том, что из одного из мясных загонов пропали две важных жертвы, поднял тревогу и развернул энергичные действия... Именно поэтому основную вину за произошедшее и удалось спихнуть на бывшего Великого вождя. Ибо всем было понятно, что без помощи извне выбраться из «мясного загона» невозможно. Ну а если уж в город проник кто-то, кто помог выбраться этим двум жертвам, то они вполне могли оказаться в состоянии устроить и нечто более серьезное. А и за внешнюю охрану, и за охрану «мяса» в любом стойбище отвечал именно военный вождь, а не шаман. И в Ахлыг-Шиге все обстояло точно таким же образом. Ну и до кучи помогло еще и то, что в столице не оказалось ни одного из тех, кто смог бы начать ритуал по новому возжиганию Темного пламени.

– Ты знаешь, что этот человечиска никак не мог совершить подобное, – прошипел Верховный. – Он всю ночь провел в шатре за пределами города. Носящий печать под пытками подтвердил это.

– Какая разница, отец, – усмехнулась Гужба. – Ты нарушил завет – и сразу же после этого Темное пламя храма Шиг-Хаоры, неугасимо горевшее почти семь столетий, потухло. Как ты не понимаешь, что заветы – это не просто ничего не значащие бредни темных предков, соблюдать которые стоит лишь тогда, когда она не особенно мешают нам жить, а некое сокровенное знание, смысл которого мы, возможно, утратили. Ты задурил голову Совету и вождям, свалив всю вину на Ыжанга... ну как же, стража Ахлыг-Шига, напрямую подчиняющаяся Великому вождю, не уследила за мясом, которое, скорее всего, и совершило святотатство. Позор! Виновные должны быть немедленно и жестоко наказаны! Но себе-то ты должен признаться, что именно ты во всем виноват. Только ты!

– В чем? – взревел, взбешенный Хылаг. – В чем я виноват? И перед кем? Что я делаю не так, что ты никак не можешь от меня отстать со своими бреднями? Жертвы опаивают уже почти двести лет. И ни одному Верховному шаману за все это время, ну, кроме этого придурка Дыхгага, не пришлось в голову так извращаться с жертвоприношениями. И что – что-нибудь изменилось? Темное пламя спокойно горело все эти годы! А лучшим подтверждением того, что этот мазохизм бессмыслен и бесполезен, служит тот факт, что мне удалось вновь зажечь Темное пламя. И без всяких этих дурацких древних извращений. Вот оно – горит перед тобой! Или ты ослепла?

– Это – жалкое подобие того, что было, отец! – заорала на него в ответ Старшая жрица Шиг-Хаоры. – Вот эту пару искорок ты называешь Темное пламя? Это не преклонение перед Величайшей, а оскорбление ее! Как ты не поймешь, что в ритуалах древних нет ничего глупого и ничего лишнего. Они должны быть исполнены так, как и записано в скрижалях!

– Хорошо! – зарычал в ответ Верховный шаман всех орков. – Если ты так уверена в этом – давай проверим. Готова сама провести ритуал?

– Я? – изумилась Гужба. – Отец, но женщины никогда не...

– А как же твои заявления о наследственности? – искривил губы в усмешке Хылаг. – К тому же у нас под рукой нет никого, кому могло бы прийти в голову рыться в этих пыльных свитках и побитых табличках, кроме тебя. Так что где еще мы можем найти знатока того, как это надо делать по старым канонам и правилам? Или у тебя все-таки есть другие кандидаты?

Дочь Верховного фыркнула и высокомерно вздернула подбородок.

– Раз так – я согласна. Когда?

– А прямо сейчас, – прорычал Хылаг и широким шагом направился к выходу с алтарной площадки. Выйдя на лестницу, он наклонился вниз и трубно заорал:

– Эй, там!

– Слушаю, Верховный? – донеслось от подножия лестницы.

– Тащите сюда жертву. Быстро.

– Но... Верховный, – растерянно заорали снизу, – ни одной готовой не осталось. Да и маковый настой...

– Плевать на настой! Тащите из загона любое тело. И пусть Тархиг и Дыхнаг переоденутся во что попроще и тоже идут сюда. Они мне понадобятся.

– Понятно, Верховный...

Ждать пришлось довольно долго. Пока приволокли жертву из загона, пока нашли помощников, пока Тархиг и Дыхнаг доволокли извивающееся и вопящее тело наверх, на алтарную площадку, небо над Ахлыг-Шигом начало уже светлеть. Так что лучшее время для темного ритуала, считай, ушло. И Хылаг бросил на дочь испытующий взгляд. Мол, не желаешь перенести все на более подходящее время? Но та только снова высокомерно фыркнула и отвернулась. Верховный ухмыльнулся и пожал плечами. Мол, как знаешь...

Жертва оказалась упертой. И продолжала вопить и вырываться, даже после того как Тархиг и Дыхнаг растянули ее на алтарном камне, наглядно показывая, почему двести лет назад было принято решение поить жертвы маковым настоем. Хылаг молча проконтролировал процесс, а затем развернулся к Гужбе и протянул ей жертвенный нож. Та так же молча взяла его, но не обычным хватом, а за обушок, после чего размотала кожаный ремешок с рукояти, представлявшей из себя острый, зазубренный хвостовик, и только потом ухватила нож правильным хватом и сильно стиснула. Верховный шаман слегка поморщился, увидев, как между пальцев дочери сразу же появились капли крови, но ничего говорить не стал, а развернулся и, обойдя алтарь, встал сразу за ним, развернувшись лицом к Трону Шиг-Хаоры.

– Пожалуйста, пожалуйста, – забормотала жертва, – прошу вас... у меня дети, дети... Один вообще крошка... Ему нет еще и четырех месяцев. Моя жена все еще кормит его грудью... – а затем, как видно разглядев в глазах держащих его помощников Верховного собственную обреченность, отчаянно возопил: – Вы же любите молочных деток – я же знаю!

Хылаг молча кивнул дочери и затянул литанию. Та стиснула зубы и, воздев нож, шагнула к алтарю.

– А-а-а-а-й-й-й! – завизжала жертва, когда Гужба вонзила ему обсидиановый клинок в низ живота. – Умоляю, дайте мне маковый отвар! – но Старшая жрица Шиг-Хаоры, развернула нож в ране и, зарывав:

– Тебе – Величайшая, – резко повела его сложным зигзагом.

Верховный спокойно вел древний гимн, наблюдая за процессом. В нем не было ничего приятного или величественного. Простой неприкрытый древний садизм. Нет, никакого отвращения он у Хылага не вызвал. В конце концов, они орки, а не слабые людишки. Но и приятного в нем было мало...

– Аа-а-а-а-а... Ы-ы-ы-а-а-а... – дико вопя, жертва билась в лапах Тархига и Дыхнага, а Старшая жрица с одухотворенным лицом ловко орудовала жертвенным ножом. И каждый поворот лезвия вызывал все новые и новые вопли, которые, впрочем, довольно скоро начали стихать. Но не потому, что жертве становилось как-то легче. Нет, все дело было в том, что своими дикими воплями она просто сорвала себе голосовые связки. Поэтому этот еще живой кусок окровавленного мяса теперь уже не вопил, а хрипел.

Гужба устала довольно быстро. Ну, с непривычки-то... Верховный шаман всех орков ясно видел, как пот градом катится с ее лба, как дрожат руки, слышал хриплое дыхание, вырывающееся из разинутой пасти. Но при этом она продолжала вести свою партию, твердо работая ножом. Язык, печень, селезенка... последовательность разделки оказалась немного иной, чем та, к которой привык он... голень, левая рука, глаз... жертва уже даже не хрипела. Но все еще была жива. Хотя заметить это способен был только очень опытный взгляд. Ухо, второе, правая нога... Хылаг почувствовал, что у него в сердце невольно зародилось уважение к создателю древнего ритуала. В нем не было изящества, как в том, к которому привык он сам, к тому же, вследствие того, что жертва билась и вырывалась, его дочь оказалась по уши забрызгана кровью и ошметками мяса, напрочь испортив свой богатый наряд Старшей жрицы, но... что-то в нем было. Что-то древнее, первобытное, ужасное, но полное силы...

Наконец, Гужба резким движением ножа развалила грудь и вырвала из груди уже практически не шевелящегося куска кровавого мяса, довольно слабо, даже уже не бьющееся, а скорее трепыхающееся сердце. И, резко развернувшись, пала на колени перед Троном, трубно взыв:

– Тебе, Величайшая! – после чего одним движением зашвырнула сердце в левую ритуальную чашу.

– Эхмаг-га! – взревел Верховный шаман всех орков и... замолчал, изумленно уставившись на искорку темного пламени, пылавшую над левой чашей. А затем медленно перевел взгляд на правую чашу. И задохнулся от изумления. Искорка над левой чашей явно стала больше...

1

– Пс-с-т... – Этот звук был очень похож на тот, который могла издать какая-нибудь лесная пичужка. Но Трой знал, что на этот раз пичужка здесь совершенно ни при чем. Поэтому он медленно отодвинулся назад, аккуратно спрятавшись за ствол дерева, и только после этого наклонил голову вниз, переведя взгляд на того, кто и издал этот сигнал. Увидеть его было не такой-то простой задачей. Но Алый герцог знал куда смотреть и что искать. Поэтому он довольно быстро отыскал взглядом грязную кучу прелой травы, веток и прошлогодних листьев, сиротливо притаившуюся у корней соседней сосны. «Куча» же, в свою очередь, также заметила его взгляд и, чуть приподнявшись, осторожно махнула ему рукой. Трой, не отвечая, медленно высунул голову и посмотрел в прежнем направлении. Орки продолжали жрать. Он снова спрятался за ствол и перевел взгляд на кучу. Куча снова махнула ему рукой, причем более настойчиво. Герцог Арвендэйл скривился, но медленно опустил голову, показывая, что понял. После чего отвернулся от «кучи» и, все теми же медленными движениями подвел руку к боковой ветке, осторожно ухватившись за нее, а второй рукой схватился за другую ветвь, чуть более толстую...

На землю он спустился только через двадцать минут. Никак не потревожив орочий патруль, который расположился перекусить всего в десяти шагах от того дерева, на которое он забрался. В принципе, это было несложно. Если, конечно, соблюдать определенные правила, главным из которых было непременно и полное отсутствие стремительности. Все следовало делать очень медленно и размеренно, максимально стараясь согласовать частоту и амплитуду собственных движений с теми, с которыми двигались ветки дерева. Конечно, и в этом случае вероятность того, что его заметят, имела место быть. Но небольшая. Ибо, когда человек, орк или любое другое существо окидывает дерево беглым взглядом, он практически никогда не способен различить отдельные ветки, а просто фиксирует на месте кроны некое хаотичное, многоцветное пестрое пятно. Поэтому человека, одетого в специальную егерскую накидку, да еще идвигающегося в ритме раскачивающихся от ветра ветвей, при таком беглом взгляде увидеть очень сложно. Только если специально всматриваться. Но для того чтобы кто-то куда-то начал всматриваться, что-то должно специально привлечь его внимание, не так ли? А если ничего такого нет, то даже без использования магии человек может стать для окружающих настоящим невидимкой. Ну, так его учил Ругир...

– Что? – шепотом спросил Трой, после того как отполз на двадцать шагов в глубь леса. То есть к месту, в котором его ждала давешняя «куча», которую изображал из себя один из императорских егерей, одетый в точно такую же егерскую накидку, которая сейчас была и на нем. Хотя внешне они отличались друг от друга довольно сильно. Потому что наборы веточек и листьев, вставленные в ремешки и петельки, которыми были усыпаны поверхности накидок, заметно отличались друг от друга. Ну да это было понятно – каждый егерь дорабатывает свою накидку сам. В силу своего опыта и разума. К тому же ее конечную конфигурацию, как правило, изменяли под конкретные текущие задачи. Что так же требовало разности подходов. Например, на дереве никак не могло быть прелой травы, да и с прошлогодними листьями так же было весьма скудно. А вот налечь на ветвях еще встречалась. Поэтому часть петелек на накидке Троя была занята грязновато-белыми тряпочками.

– Вас ждут, – так же шепотом отозвался тот. Алый герцог недовольно скривился. И кого это принесло? Ну, вот неужели нельзя было подождать, пока он не закончит рекогносцировку и не вернется на операционную базу? Что такого должно было произойти, чтобы его сдернули с наблюдательного пункта прямо под носом у орочьего патруля? Но высказывать претензии егерю все равно было бессмысленно. Потому что это была явно не его инициатива. Ругать же

человека за то, в чем он сам лично никак не виноват, – полный идиотизм... А вот этому Троя научил уже сам Марелборо.

– Ну, тогда – пошли уж, – тяжело вздохнув, произнес Трой и первым двинулся в сторону лесного лагеря, в котором располагалась подчиненная ему разведывательная сотня, сформированная частью из императорских егерей, а частью из его охотников-арвендейльцев.

Сразу после того, как по империи пронеслись слухи, что страшный темный бог Ыхлыг повержен, а корона императора людей снова обрела своего хозяина, в замок бывшего герцога Эгмонтер, ставшего временной штаб-квартирой нового императора, потянулись сначала осторожные гонцы, чьей задачей было разведать, что и как действительно приключилось в башне Гвенди, а затем, когда слухи получили подтверждение, уже и новоиспеченные воодушевленные сторонники. Нет, в то, что новый император и есть тот самый Марелборо, поначалу никто не поверил. Уж больно сказочно это выглядело. Но большинству хватило и того, что подтвердилась информация о том, что Ыхлыг мертв. И что в империи снова появился легитимный правитель, которого признала корона. Потому что в этом случае у людей появлялся шанс вновь вернуть себе свою страну. И даже освобождение столицы от засевших в ней орков, которых все еще, по прикидкам, насчитывалось в городе более двухсот тысяч, уже не выглядело абсолютно безнадежной затеей... Поэтому вот уже почти два месяца новоиспеченный император безвылазно сидел в герцогстве, принимая новых сторонников, делегации городов и провинций, пополнения, а также формируя свою команду, вокруг возможности попасть в которую сейчас разворачивались такие интриги, что можно было диву даваться. Впрочем, Трой получил в ней место априори. Хотя, в отличие от большинства тех, кто в нее рвался (попутно исходя по отношению к «этому выскочке» просто бешеной завистью), он этим местом скорее не гордился или там кичился, а тяготился. Потому что точно знал, что ничего особенно полезного он в этой команде сделать не способен. Не тянет просто. Опыта не хватает. Связей. Воинского умения. Ну кто он, если разобраться, – обычный десятник... ну, теперь, после всего, что случилось за последние пару лет, может даже сотню способен потянуть. И не более. А всеми своими громкими победами он обязан совершенно другим людям – Лиддиту, графу Шоггир, Дарголу, Гмалину с Алвуром. Потому как сам же он во всех вроде как выигранных именно Алым герцогом громких битвах выступал скорее не как полководец, а как сильный боец первой линии. Или там одиночный подвижный резерв. Так что какой толк от его пребывания в Малом императорском совете? Однако, когда он попытался под этой маркой как-то отодвинуться, уйти в сторону, Марелборо устроил ему настоящую выволочку.

– Что это за сопли, десятник? Что значит – «не тяну»? Когда пер через весь Гыхныг за моей короной, значит, тянул, а сейчас – все. Сопли в кулачок и в сторону?

– Так ведь там было совсем другое дело... – пристыженно протянул Трой.

– Здесь тоже скоро будет другое. Нам еще, если ты забыл, столицу отбивать. И на кого мне в этом случае рассчитывать? На Гмалину с Алвуром? Так у них обоих главные столицы другие... Нет, они непременно поучаствуют в предстоящем веселье. Всем трем народам пойдет на пользу, если они опять вместе повергнут Тьму. Но главным в этом мероприятии должен быть человек.

– А сам-то что? – пробурчал Трой.

– А я – миф, – ухмыльнулся Марелборо. – Так что обо мне речь не идет. Меня те, кто живет сейчас, все равно как человека воспринимать не смогут. Во всяком случае, в ближайшие лет десять-пятнадцать.

– Ну, так и другие есть, – уныло пробурчал герцог Арвендейл. – Того же графа Шоггир взять или Замельгон... Чем они-то плохи? Да и вообще, сколько опытных бойцов сейчас к нам подтянулось. Неужели среди них никого не найдется?

– А о них рассказывают легенды по всем кабакам Империи? – хитро прищурившись, поинтересовался император, а потом усмехнулся. – Да и не совсем тот у них опыт. Они раньше

с орками только в поле ратились, а теперь им придется брать захваченный ими город. А это, уж можешь мне поверить, совсем другое дело. И вот здесь вы друг от друга не сильно-то опытом и отличаетесь. Причем счет именно в твою пользу. Ты-то уже крепости брал. Причем у орков. И сильные. Один твой замок чего стоит... – тут Марелборо тяжело вздохнул. – И это еще, слава богам, что у нас тут только местные орки, а не западные. Наши-то по большей части дикари-кочевники, а вот те...

– Это точно, – согласно кивнул Трой и, представив, во что бы они вляпались, приди сюда западные орки, невольно вздрогнул.

– А что касается выбора... – продолжил тем временем император, – уж не думаешь ли ты, что вот все, кого я приглашаю на Совет, так уж непременно пользуются моим полным доверием и столь уж мне необходимы? Да хрен там! Минимум от трети я бы с удовольствием избавился. А парочку, будь моя воля, и вообще повесил бы.

– То есть как это – будь моя воля? – не понял Трой. – А чья же она еще-то?

Марелборо вздохнул:

– Не все так просто, десятник. Это тебе легко – пришел на, считай, пустое герцогство. Благородного сословия – нет, двора – нет, торговых домов – нет, да и сама торговля только внутренняя, так что никто на твоих торговцев «снаружи» надавить не может – то есть твори что хочешь! А тут везде такой клубок интересов завязан, что только тронь не ту нитку – мигом треть провинций у орков в союзниках окажется.

– Как это? – вытаращил глаза Трой.

– А вот так, – досадливо махнул рукой император. – Сам же знаешь историю, как орки на западном континенте власть получили. Не столько войной, сколько интригами и лавированием между людских правителей. То есть сначала выступая союзниками одних против других, потом других против третьих. А уж когда независимых людских королевств осталось с гульки-нос, тогда они и сбросили маски. После чего «умники», вроде как использующие «тупых орков» в своих собственных целях... ну там повергнуть старых врагов, избавиться от слишком усилившихся союзников или устроить большие проблемы добрым соседям, которые, вот ведь незадача, еще и конкуренты, прямым ходом пошли в котел. Как и все их враги, союзники и соседи... Но точно таких же «умников» у нас хватает и здесь. И если не бросать некоторым «особенно умным» время от времени какие-нибудь «кости», то все может повернуться точно так же, как на западе.

– Но... у нас же орки действительно тупые? – удивленно уточнил Трой.

– Рядовые – да, – грустно усмехнулся Марелборо, – а вот вожди и шаманы... Короче, порядок в империи я, конечно, наведу, но сильно позже. А сейчас приходится лавировать. Поэтому для меня любой надежный член Малого совета сейчас буквально на вес золота. Так что и думать не смей куда-то литься. Понял?

– Да, Ваше Величество, – уныло кивнул действительный член Малого императорского совета и гроза орков, носящий среди народа Империи прозвище Алый герцог.

– То-то, сотник, – уже гораздо веселее усмехнулся в ответ император.

До лагеря Трой с егерем добрались довольно быстро. Там царил суматоха. Правда, наполовину. То есть императорские егеря сворачивали палатки и по всем признакам готовились к скорому отъезду. А вот в той части лагеря, в которой дислоцировались арвендейльцы, все было тихо. Ну, относительно... Трой остановился и удивленно огляделся. Это кто это тут так обормотел, что начал распоряжаться его людьми? Виновник обнаружился довольно быстро. Центром всей этой суеты являлся дородный мужчина в роскошно изукрашенных латах, в настоящий момент нависавший над Коском, который командовал арвендейльцами, и что-то орущий ему в лицо, брызгая слюной. Трой озадаченно обернулся к сопровождавшему его егерю.

– А это еще кто такой?

Егерь едва заметно скривился.

– Граф Остевон. Старший интендант восточного придела... ну был при прежнем императоре, – больше егерь ничего не сказал, но его гримаса была весьма показательной. Трой заметно посмурнел лицом и двинулся к офицеру, орущему на его полусотника.

– Что здесь происходит? – холодно поинтересовался он, подойдя вплотную. Бывший старший интендант восточного придела резко развернулся и... сморщился, поднеся к носу густо надушенный платочек. Ну еще бы, от егерской накидки полностью укрывавшей под собой старую наемничью броню, в которую сейчас был облачен владетельный герцог и действительный член Малого императорского совета, заметно попахивало волчьим дерьмом и тошнотворным соком осеклы. А куда было деваться? У орков обоняние куда как лучше, чем у людей, так что, если не отбить запах, умение маскироваться может не помочь.

– А это что за чучело? – с явно демонстрируемой брезгливостью произнес он.

Трой не стал отвечать на этот вопрос, а просто молча засветил ему с разворота прямой в маячившее в проеме откинутого забрала жирное рыло. Отчего графа отшвырнуло на полдюжины шагов, несмотря на то что, будучи облачен в латы, он был довольно-таки тяжел. Несколько латников, маячивших неподалеку, которые, похоже, были конвоем этого бывшего интенданта, качнулись вперед, обозначая желание вмешаться, но, оказавшись под прицелом нескольких десятков луков и арбалетов, которые мгновенно вскинули арвендейльцы, решили не испытывать судьбу и остались на месте. Трой же, никак не отреагировавший на это угрожающее шевеление, снова повернулся к старшине арвендейльцев и повторил свой вопрос:

– Что здесь происходит?

Коск мотнул подбородком в сторону явно охреневшего от подобного обращения графа, в данный момент ошеломленно шевелящегося на земле, издавая слабые нечленораздельные звуки, и коротко доложил:

– Приехал этот. Разорался. Нагнул Грикса. Велел немедленно вызвать вас. Заставил Грикса начать сворачивать лагерь. Все.

В этот момент бывшему старшему интенданту удалось-таки справиться со своими ногами и руками, в которых он после столь увесистой оплеухи слегка запутался, вследствие чего граф сумел-таки взгромоздиться на ноги. И с решительным видом потянул меч из богато украшенных ножен.

– Да как вы... – закончить графу не удалось. Потому что Трой сделал пару широких шагов и снова наградил бывшего старшего интенданта восточных приделов увесистой оплеухой. После чего развернулся к Коску и коротко приказал:

– Начнет что-то вякать – связать и заткнуть в пасть кляп. Я к Гриксу.

– Слушаюсь, мой господин! – по угрюмой роже старшины арвендейльцев расплылась счастливая улыбка. Впрочем, Трой этого уже не увидел. Потому что в этот момент двигался в направлении старшины императорских егерей.

– И как это понимать, Грикс? – холодно поинтересовался командир отдельной разведывательной сотни, подчиненной вроде как самому императору, подойдя к своему второму полусотнику. Тот угрюмо пожал плечами. Типа, а что делать-то... Но затем нехотя пояснил:

– Прошу простить, мой господин, но этот граф Остевон – такая сволочь. Он нашим столько крови попил... И злопамятный – ужас. Если бы я заартачился – жизни бы мне потом не было. К тому же вас все равно вызывают на заседание Большого совета. Так что нам так и так пришлось бы сворачивать лагерь.

Алый герцог стиснул зубы. Ну вот что ты будешь делать, несмотря на всю его громкую славу, большинство тех, кто не был с ним в Арвендейле, не очень-то его и воспринимают. То есть воспринимают, но, как бы это поточнее... согласно возрасту и статусу здесь, в империи. Где все еще помнят его как десятника наемной сотни. Даже рядовые егеря... Что ж, рано или поздно эту ситуацию все равно придется разруливать. Так почему бы не начать сейчас?

– Грикс, когда и куда пойдет МОЯ сотня, решаю только я. И император, – негромко произнес Трой. – Поэтому немедленно верните все палатки на место и вышлите на положенные места секретеры.

Старшина удивленно воззрился на него.

– Но, Ваше... – начал он, но тут же осекся, наткнувшись на тяжелый взгляд, потом помолчал, искоса бросил взгляд на графа Остевона, которого уже сноровисто упаковали арвендейльцы, вздохнул, покачал головой и уныло произнес: – Слушаюсь, мой господин.

– Я не ваш господин, Грикс, я – ваш сотник, – сурово произнес Алый герцог, – и если нечто подобное повторится еще раз, то в лучшем случае я отстраню вас от командования и под конвоем отправлю в ставку. И это, повторюсь, будет в лучшем случае. Вам понятно?

– Так точно! – послушно рявкнул старшина, вытягиваясь в струнку, но потом покосился в сторону упакованной тушки бывшего старшего интенданта восточных приделов и, покачав головой, вздохнул: – Зря вы с ним так, Ваше сиятельство. Он вам этого теперь нипочем не простит. А семья Остевон в империи ой как влиятельна...

– Ничего, переживу, – хмыкнул Трой и, развернувшись, двинулся прямо к потенциальному источнику больших будущих неприятностей. Ну, если верить мнению старшины императорских егерей.

В разведку к Эл-Северину они выдвинулись еще в конце зимы. Впрочем, в этих местах конец зимы скорее напоминал середину весны. Ну, если сравнивать погоду с той, что была характерна для Арвендейла. Во всяком случае, снег на открытых участках уже практически сошел, а кое-где сквозь пожухлую прошлогоднюю траву даже начали пробиваться первые ростки подснежников. Но в лесу снег еще лежал вовсю. Причем, вот гадство, он был сверху полностью покрыт жестким настом. Почему гадство? Да потому, что этот наст, хоть и был жестким, но человека совсем не держал, вследствие чего следы от шагов на нем отпечатывались очень отчетливо. И держались довольно долго. То есть тому, кто захотел бы оставаться в этом лесу незаметным, сделать это вследствие всего вышеперечисленного было очень сложно. А вот попасться – наоборот, легче легкого... Ситуацию спасли арвендейльцы, шустро наплетя снегоступов. Хотя эта приспособа тоже не была панацеей и накладывала на пользователя свои ограничения. Например, со снегоступами на ногах совершенно невозможно бегать, да и ходить – та еще морока. Вот сами попробуйте передвигаться в обуви, на которой налип большой и тяжелый ком грязи. А снегоступ как раз такой «ком» и есть. Только еще хуже. Потому что подобная «грязь» при этом еще и как бы расплющена в плоский блин, вследствие чего у непривычного ходока снегоступы цепляются за что только ни попадя – от веток и корней до собственных ног. Так что, несмотря на то, что снегоступы позволили передвигаться по снегу не проламывая наст и практически не оставляя следов, для того чтобы их использовать нужна была большая сноровка. И у арвендейльцев она присутствовала. А вот у егерей – нет. Те больше к лыжам были привычны. Но для использования лыж в этой местности тоже были некоторые препятствия. Потому что они оставляли хоть и менее заметные следы, чем если просто пешим через лес ломиться, но все равно разглядеть их особенного труда не составляло.

В местах своей прежней службы егерей это не особо напрягало. Они же по своим родным лесам лазали, а не в тылу у врага. Тем более кроме егерей, по тем лесам еще и охотники, и лесорубы, и рыбаки, что по зиме уходили рыбачить на дальних лесных озерах, шастали. Так что лыжных следов в лесах хватало. И отследить по ним именно егерей у потенциальных врагов особых возможностей не было. А здесь и сейчас это было не так. Леса-то вокруг, может, формально и родные, но фактически... лучше следов своего присутствия не оставлять. Потому что никаких других людей в ближних окрестностях Эл-Северина не осталось. Кто сбежал, кто убит, а кто пойман и съеден. Сами же орки на лыжах отродясь не стояли. Так что стоит только орочьему патрулю обнаружить в лесу или у опушки лыжный след...

Так что сразу после прибытия к месту временной дислокации обязанности разделились следующим образом – арвендейльцы сразу же занялись разведкой, а егеря – обустройством лагеря. К каковому делу они как раз имели гораздо большую сноровку, чем арвендейльцы. Потому как жители Теми столь большими отрядами и так надолго в свои леса никогда не уходили. Ибо для них это означало почти непереносимую смерть. Потому как нарваться на орочий разъезд или патруль в подобном случае было легче легкого. Много народу – много шума и следов. Так что крупными командами арвендейльцы выходили за пределы городов максимум на световой день. А мелкими – старались получше ныкаться и постоянно перемещаться... Так что к длительной лесной жизни в составе большого отряда с обустроенной лесной базой охотники из Арвендейла были не слишком привычны. Нет, кое-что они уже, конечно, освоили. Войско-то до Империи шло через бывший Проклятый лес, так что времени, чтобы нахвататься верхов в весьма непростом деле обустройства лагеря, вполне хватило. Но вот опыта длительной жизни в лесном лагере и отточенных даже не годами, а десятилетиями навыков его разбивки и оборудования, которые имелись у егерей, у арвендейльцев не было... Вот так и получилось разделение труда. Впрочем, к настоящему времени лагерь был уже полностью обустроен – от палаток до навесов для хранения припасов, рогулк для подвешивания котлов у обложенных камнями очагов, настилов на деревьях для размещения секретов и наблюдателей и козел для пилки дров. А егеря за прошедшее время вполне себе освоились со снегоступами... Вот на эти самые козлы и уложили туго упакованную тушку бывшего старшего интенданта восточного придела, которому, как выяснилось, для того чтобы прийти во вменяемое состояние, пары оплеух оказалось недостаточно.

Трой подошел к козлам, окинул аккуратно упакованного графа сумрачным взглядом и, подняв руки, потянул с себя егерскую накидку. Сбросив ее на руки подскочившему арвендейльцу, он согнул руки и слегка потряхнул ими. Подхвативший накидку боец понятиливо кивнул и, повернув голову, негромко бросил:

– Ставир, слей господину...

Умывшись, Трой тщательно вытерся полотенцем и только после этого повернулся к валяющейся на козлах тушке. Окинув бывшего старшего интенданта восточных приделов теперь уже задумчивым взглядом, командир отдельной сотни разведки нехотя протянул руку и одним движением выдернул изо рта валяющегося тела деревянный чопик кляпа.

– У-у-уоу, – взвыло тело, страдальчески морщась.

– Итак, господин граф, что вы хотели мне сообщить? – таким светским тоном поинтересовался Трой. К его легкому удивлению, на этот раз бывший старший интендант восточного придела не подтвердил его самые худшие ожидания, и не стал раздражаться бесполезной и бессмысленной площадной бранью, а, наоборот, скоренько закончив демонстрировать испытываемые им боль и страдание, растянул губы в улыбке, которую, впрочем, вряд ли кто мог воспринять как дружественную.

– Э-ээ... герцог. Признаю, я был несколько не прав, начав сразу отдавать приказания вашим людям. Да и мои слова в отношении вас были вызваны вовсе не неуважением, а тем, что я вас просто не узнал в этом вашем наряде. Согласитесь, он весьма... м-м-м... своеобразен... Ну, для того, кто является герцогом и членом Малого императорского совета.

– А для командира отдельной разведывательной сотни, наоборот, вполне естественен, – хмыкнул Трой. – Но вы так и не ответили на мой вопрос.

– Да-да, конечно, непременно... – закивал головой граф Остевон, – но-о... может мы с вами оставим наши... м-м-м... недоразумения в прошлом, и вы сначала прикажете меня развязать? Тем более что письмо императора, которое я должен был передать вам, хранится в моей планшетке, а она в настоящий момент накрепко притянута к моему телу теми самыми веревками, которыми я связан.

Трой окинул графа демонстративно задумчивым взглядом. Вот ведь хитрая тварь... Ну да среди интендантов глупцы попадаются редко. Проныры – каждый второй, воры – каждый первый, а вот глупцы... Не выживают они на подобных должностях... Трой развернулся и молча кивнул отирающемуся неподалеку Коску. Тот так же молча повернулся к стоящим поблизости подчиненным и мотнул головой в сторону козел, к которым тут же подскочила парочка арвендейльцев и, сноровисто сдернув тушку графа с козел, быстренько размотала веревки. Сделать это было тем более просто, что когда бывшего старшего интенданта упаковывали, его отнюдь не стали связывать по-правильному, ну, так, чтобы он не мог пошевелиться или каждое движение приводило бы к тому, чтобы узлы затягивались все больше и больше. Либо, например, к тому, что при каждом движении руки или ноги все сильнее затягивалась бы накинута на шею петля. Есть в связывании людей свои особенные хитрости, и любой более-менее опытный наемник знает не одну такую... Графа же увязали просто – стянув локти, запястья и колени и обмотав веревкой поперх. И никуда не денется, и потом развязывать куда легче. Ни один узел не сможет затянуться настолько сильно, что придется его разрезать, портя веревку. А веревочка – это вещь в хозяйстве всегда полезная. И дрова увязать, и упряжь подвязать, и подтянуть кого куда-нибудь на скалу, дерево или стену, да и эвон, если кого связать нужно, она тоже пригодится.

Освободившись от веревок, граф тут же окинул окружающих ревнивым взглядом, придирчиво выискивая усмешки на их лицах, но большинство егерей и арвендейльцев чуть ли не демонстративно отвернулись, делая вид, что заняты своими делами и никак не интересуются происходящим. Так что если усмешки и были, то разглядеть их на лицах людей, которые в настоящий момент были повернуты к бывшему старшему интенданту восточных приделов спиной, не представлялось возможным. Те же, кто был повернут лицом, сохраняли на своих физиономиях каменно-безразличное выражение. Мол, у вас, благородных, свои дела, которые нас совершенно не касаются. Но тайлось что-то в их глазах, тайлось... и, похоже, граф это «что-то» вполне уловил. Потому что его рожу слегка перекосило. Впрочем, всего лишь на долю секунды. Потому что уже в следующее мгновение он расплылся в уже демонстративно любезной улыбке и, сунув руку в планшетку, выдернул оттуда деревянный пенал, запечатанный сургучной печатью.

– Герцог Арвендейл, благородное сословие империи и Его Величество приглашают вас в Парвус, на заседание Большого имперского совета, которое состоится в первый день месяца Авринис.

– Благодарю за приглашение, – коротко поклонился в ответ Трой, отметив про себя как то, что «любезный граф» в озвученном приглашении поставил «благородное сословие империи» впереди императора, так и то, что бывший старший интендант восточных приделов изящно обошел вопрос именовании императора, после чего отошел на пяток шагов и сорвал печать.

В пенале было само приглашение. И короткая записка, написанная рукой императора: «Ты мне нужен здесь. И постарайся не убить гонца».

2

– В карауле трое – двое сопляков и один старик, госпожа, – негромко доложил охотник, проводивший разведку.

– Старик? – удивилась Лиддит. Взрослых мужских особей во встреченных ими кочевьях практически не наблюдалось. Орк-самец по определению воин, в крайнем случае – шаман. А все воины и шаманы поголовно проходили посвящение и потому были сплошь притянуты Зовом. Охотник пренебрежительно махнул рукой.

– Этот – хромой. И, скорее всего, с детства. Похоже, когда-то сломал ногу, а потом срслась неправильно. Так что посвящение он, похоже, и не проходил. Потому-то и остался в кочевье.

Лиддит понимающе кивнула и задумалась. Охрана невелика и, судя по докладу, не представляет собой ничего серьезного. Так что и это стойбище ее отряд возьмет в мечи без особых проблем. Но вот что делать дальше – идти до самого побережья или остановиться?

Вот уже почти два месяца она со своими людьми методично зачищала предгорья.

Все началось около четырех месяцев назад. Поначалу ни о каких дальних походах никто и не думал. Какие тут походы, когда почти вся дружина, а также и наиболее боеспособная часть городских ополчений Арвендейла ушли в империю, на помощь своему герцогу? Ну, кто тут остался – стар да млад. Да бабы... Хотя арвендейльские бабы – это не то, что те неженки из империи. У них не забалуешь! Не один суровый житель Теми вскакивал поздним вечером из-за стола, за которым коротал вечерок с мужиками и, слегка отводя глаза, виновато бормотал:

– Я это... пошел, мужики. Пора мне... – После чего торопливо исчезал, сопровождаемый добрыми усмешками оставшихся. И никто его не останавливал и не подначивал. Все было понятно – мужик где-то провинился, и его лучшая половина выкатила ему условие, чтобы в этот вечер он вернулся домой не позже полуночи. Или вообще сразу по наступлении темноты. Вот и торопится домой бедолага... А куда деваться? Прекрасные дочери Теми – дамы суровые. Редко у какой за спиной не было умело охотенного до смерти боевой палицей или поднятого на рогатину орка-другого. А некоторые на счету и по десятку имели. Ибо во времена осады на стены городов выходили все, кто мог держать оружие. Иначе было не отбиться...

Так что, несмотря на то, что в герцогстве остались только старики, молодняк и бабы – ни у кого не было сомнений в том, что, случись чего, они вполне способны отстоять свои города. Но вот идти в поход... Да и на кого идти-то? Всем было известно, что подавляющее большинство орков из ближних становищ было уничтожено еще при освобождении герцогства. Ну а тех, кто мог бы подтянуться с побережья, изрядно проредили в битве у Каменного города. Тогда западные за собой много местных притянули. И по большей части все они там и полегли... А выдвигаться дальше – за хребет, в предгорья дураков не было. Кто его знает, сколько еще орков там осталось? А ну как десятки тысяч? Так что, прежде чем куда-то идти, надобно было сначала провести дальнюю разведку, вызнать как там и что, где, кого и сколько, затем дожидаться возвращения основных ударных сил, а уж потом...

Однако где-то через пару месяцев после ухода войска, троим пожилым охотникам из Зимней сторожи моча ударила в голову, вследствие чего три старика-ветерана, которых не взяли в поход из-за изрядного возраста, чем, кстати, весьма их обидели, пробежавшись по землям Теми и не набив особенной добычи, рискнули-таки уйти в рейд за Южные ворота. «Посмотреть, че там как...» – как они, переминаясь с ноги на ногу, смущенно рассказывали по возвращении своей герцогине. Почему ей? А уж больно интересные сведения принесли эти три охотника-ветерана. Такие, что старейшина потихоньку восстанавливаемой Зимней сторожи первым из власть имущих услышавший их рассказ, решил, что об увиденном ими надо непременно проинформировать и верховную власть.

– Значит, говорите, в стойбищах только самки и детеныши? – задумчиво поинтересовалась герцогиня выслушав рассказ стариков-разбой... то есть охотников.

– Точно так, Грозная Лиддит, – тряхнул головой старший из тройки зимнестужьих охотников, которому остальными двумя была доверена великая честь рассказывать все властительнице. Ему, как и большинству остальных арвендейльцев, было плевать на все эти принятые в империи куртуазные обращения. «Ваша светлость», «Ваше сиятельство», «Ваше Высочество»... тьфу пропасть – язык же ломаешь! Человека надо называть так, как он того заслужил, а не как там было кем-то установлено. И их герцогиня вполне заслужила, чтобы ее называли именно так, а не иначе... То есть, ну-у-у... и иначе, конечно, тоже... ну, можно... такую-то красотку... Но и Грозная Лиддит вполне подходит.

– Тут ведь, – смущенно продолжил старший из тройки своим обычным присловьем, – мы-тко только пяток стойбищ развели. Так что как оно там дальше – знать не можем. Но в тех, что увидели, – везде одно и то же. Самки да щенки...

Герцогиня на некоторое время задумалась, а потом повернулась к сенешалю Дарголу и бросила на него вопросительный взгляд. О том, что в столице появился Темный бог, который своим Зовом притянул в Эл-Северин своих посвященных, Лиддит рассказала Тамея. Она пришла в Арвендейл несколько декад назад, официально для того, чтобы занять место настоятельницы возрожденного древнего монастыря. Вернее, пока еще возрождаемого. Потому что сам монастырь требовалось еще восстановить, а вернее – построить заново. На что сейчас не было ни денег, ни людей. Поэтому в настоящий момент сестра Тамея с дюжиной своих послушниц поселилась в герцогском замке, заняв под монастырь несколько комнат в восточном крыле, где и окормляла страждущих. Ну и еще негласно помогала сестре управляться с делами... Но истинной причиной ее появления в Арвендейле было отнюдь не поручение восстановить монастырь (вернее, не так, скорее – отнюдь не только это поручение и даже не в первую очередь...), а тревога конклава сестер по поводу сохранности вновь обретенной святыни – плащаницы Гвенди. Арвендейл как самое отдаленное и весьма укрепленное герцогство после захвата орками столицы внезапно оказался едва ли не самой безопасной частью империи. Ибо предсказать, в какую сторону может двинуться из столицы захватившая ее Орда, никто пока не брался. Вероятность же того, что Орда скоро куда-то двинется, была весьма велика... Вследствие этого даже самый надежный и хорошо укрепленный монастырь или даже город мог оказаться на пути двинувшихся из Эл-Северина орков. Везти же вновь обретенную святыню по стране вслед за собирающейся армией так же означало подвергать ее опасности переменчивого военного счастья. Ну, кто знает, как все повернется во время очередной битвы? Может, даже люди его и выиграют, но вот обоз, а то и вообще – ставка, окажутся на какое-то, пусть даже очень небольшое, время захвачены каким-нибудь неожиданно прорвавшимся орочьим отрядом. И этого времени им вполне хватит на то, чтобы окончательно уничтожить священную реликвию... Вот конклав сестер и посчитал, что счастливо обретенная плащаница будет в Арвендейле в наибольшей безопасности, отправив ее туда вместе с той, которая не словом, а делом доказала то, что способна сохранить святыню даже в самых неблагоприятных обстоятельствах. Впрочем, так считали не только сестры, но и многочисленные беженцы... Так что Тамея появилась в герцогстве вместе с Дарголом, которого Трой отправил в герцогство восстанавливаться после орочьего плена и набираться сил. А так же охранять его домен и... беречь его любовь.

Даргол, поймав взгляд своей повелительницы, насупился и отрицательно качнул головой.

– Ваше сиятельство, мой долг – вручить вас нашему герцогу в целости и сохранности, а не...

– А мой – не упускать шанса навсегда избавить Арвендейл от опасности орочьих набегов, – перебив его, отрезала Лиддит. Старики-разбой... то есть охотники, горделиво переглянулись. Мол, вишь как, наша-то... ну как ее еще именовать окромя как Грозной?

А Лиддит между тем продолжила уже более мягко:

– К тому же дело не только в будущей безопасности. Ты видишь, Даргол, какой поток переселенцев устремился к нам из империи. Разместить столько людей в городах мы не сможем. Придется закладывать деревни. А они куда более уязвимы перед набегами. Для них будет опасен даже небольшой вроде «похода за ушами»... – так назывался набег молодых орков, являющийся для них чем-то вроде посвящения в воины. Главным трофеем такого набега являлись не свежее мясо или награбленный скарб, а уши убитых врагов. Причем необязательно человечьи, допускались любые – в том числе и орков из враждебных родов... Но орки герцогиню не волновали. А вот люди – наоборот. И вот как раз во время «походов за ушами» в людские земли орочьи отряды обычно не лезли к городам и даже хорошо укрепленным селам, взять которые было тяжело, но в которых можно было рассчитывать на богатую добычу, а старались отыскать небольшие деревеньки и порезвиться именно в них. Ранее Арвендейл это не особенно затрагивало. Потому что в Теми люди жили только в городах. Не было здесь деревень. Те, что имелись когда-то в древнем герцогстве Арвендейл, орки вырезали подчистую еще во время завоевания или в первые годы после него. А новых никто не закладывал. Ибо при таком соотношении сил, какое сложилось здесь, отбиться от орков, не имея высоких и крепких стен было совершенно невозможно... Но теперь деревни, несомненно, должны были появиться. Потому что и опасность со стороны орков резко уменьшилась, да и места для расселения новых жителей в городах герцогства уже практически не осталось. А люди все продолжали и продолжали идти. Строить же новые города... хм, а вы думаете это так просто? Города-то обустраиваются десятилетиями, а то и столетиями...

– ...особенно с такими вояками, какие получатся из беженцев, – закончила Лиддит.

Даргол мрачно кивнул. Да уж, из беженцев, прибывших из центральных районов империи, вояки как из... кхм... ну, короче, понятно. Так что даже если и удастся убедить их потратить силы на то, чтобы поставить хотя бы простой частокол – толку от этого будет немного. Потому что сила обороны не в стенах, а в людях, стоящих на них. Сделать же из беженца даже сносного (ну по арвендейльским меркам) ополченца, способного выстоять против орков хотя бы на стене, – ой сколько сил надо будет приложить для этого. И все равно результат не гарантирован. Те, кто бежит из родных мест вместо того, чтобы за них драться, не вызывали особого доверия ни у Даргола, ни у арвендейльцев. Так что рассчитывать на то, что вновь закладываемые деревни смогут хоть как-то за себя постоять можно будет не ранее, чем в них вырастет следующее поколение. Уже арвендейльское.

– И все-таки, сестра, – мягко вступила в разговор Тамея, – я бы советовала тебе не поддаваться эмоциям и хорошо подумать перед тем, как принимать решение.

Герцогиня снова вскинулась, но сдержала себя. Они с сестрой за последнее время сильно сблизились. Они и раньше относились друг к другу неплохо, хотя смотрели на выбор друг друга скорее с удивлением, чем с пониманием. Уж больно различным он оказался, их жизненный выбор. Но со времен предыдущей встречи у каждой из них изрядно прибавилось жизненного опыта, вследствие чего категоричность в оценках и бескомпромиссность в поступках, ранее характерная для обеих сестер, заметно смягчилась. Что только пошло им на пользу, сразу прибавив обеим в глазах окружающих и авторитета и влияния. Поэтому Лиддит несколько мгновений помолчала, а затем сдержанно произнесла:

– Хорошо, сестра, я пока не буду сейчас принимать никакого решения и обещаю тебе еще раз всесторонне обдумать этот вопрос.

Однако, судя по тому, какой огонек разгорелся в ее глазах, всем, присутствующим в зале, было совершенно ясно, что на самом деле молодая герцогиня решение уже приняла. И не собирается от него отказываться. Ну как же – появился такой шанс не только сохранить домен, но еще и навсегда обезопасить его от любых возможных набегов. А то и, чем Сумрачные сестры не шутят, изрядно округлить его, подгребя под свою руку обезлю... то есть обезорчившие земли аж до самого побережья. Что означало практически удвоение территории герцогства!

Тем более что поток беженцев и иных переселенцев из центральных провинций империи хоть за последнее время изрядно уменьшился, пока и не думал иссякать. Следовательно, кем заселить и тем самым застолбить за собой вновь взятые под руку герцогства земли – так же было...

Так оно в конце концов и произошло. Поэтому уже через четыре дня после того доклада охотников герцогине во все города Арвендейла были отправлены гонцы с просьбой к городским советам выделить в состав временной герцогской дружины по несколько десятков мечей из состава городских ополчений. Самых лучших среди тех, кто оставался... Для чего собирают людей – большинству арвендейльцев к тому времени уже стало известно. Потому что ни до, ни после доклада старики-охотники отнюдь не молчали о своем путешествии, а, наоборот, щедро делились с теми, кто подливал, и подробностями своего рейда, и собственными выводами. Так что к тому моменту, когда из замка разлетелись гонцы, по герцогству уже всю гуляли слухи и сплетни...

Сводный отряд, он же – временная герцогская дружина, собрался уже через неделю. При чем воины прибыли не только из городов людей. Эльфы и гномы, к которым гонцы отправились больше по традиции, чем вследствие того, что на их силы действительно рассчитывали, также прислали своих бойцов. И хотя те, похоже, тоже были либо еще юнцами, либо инвалидами, не тянущими на полноценных бойцов, сам факт того, что даже в отсутствие герцога, у которого владельцы Каменного города и Эллосила были в побратимах, эльфы и гномы, или, как раньше говорили в Теми, – Могучие и Высокие все равно приняли решение выступить вместе с людьми, наполняло сердца всех жителей Арвендейла надеждой и гордостью. Надеждой на то, что древний Арвендейл возродится во всем своем блеске, и славе, и гордости за то, что они не только видят это, но еще и в этом участвуют. Кроме того, еще около двух сотен бойцов набрали среди переселенцев. Хотя этих бойцов никто особенно в расчеты не принимал. Потому как, ну какие из них бойцы? Те из жителей центральных провинций, кто мог и готов был сражаться, влились в армию, собираемую императором, или пополнили полки, стоящие на границах. А те, кто сбежал в Арвендейл... Однако взяли и их. Ну и пусть не бойцы, так ведь в любом походе всегда найдется чем занять лишние рабочие руки...

– Хорошо, спасибо за работу, – кивнула Лиддит разведчику и, развернувшись, негромко окликнула: – Фодр!

– Да, госпожа... – привычно мрачный старшина Зимней сторожи, исполнявшей в ее отряде обязанности ее правой руки, тут же выдвинулся вперед и замер, ожидая распоряжений.

– Насколько я понимаю, мы уже вышли за пределы предгорий?

– Так и есть, госпожа, – кивнул тот. – Два дня назад. Так что отсюда, можно сказать, уже начинаются приморские равнины. Поэтому орочьи становища теперь будут попадаться куда чаще. И народу в них будет точно побольше. Здесь-то пастбища куда лучше, чем в предгорьях, вот они и...

– Как думаешь, – прервала его Лиддит, – насколько опасно двигаться дальше, к побережью? Может, пора поворачивать назад?

Старшина Зимней сторожи задумался. В принципе, они уже вычистили от орков все предгорья. Притом что изначально планировалось ограничиться только ими...

Планы Лиддит зачистить все приморские равнины были похоронены сразу же, едва только она про них заикнулась. Уж больно небольшой отряд удалось собрать – всего около тысячи двухсот человек. В прежние времена и думать было нечего сунуться за Южные врата такими силами. Да что там с такими – в прежние времена никому и в голову не могли прийти мысли сунуться за Южные врата. Но вот ведь как все меняется, после битвы у Каменного города таковая мысль пришла как минимум парочке пожилых авантюристов. И вот теперь ею же оказалась заражена и прекрасная головка герцогини. Однако лезть к побережью столь малыми силами... После того как герцогиня высказала это пожелание, Даргол вскинулся так, что многие предположили, что если бы не столько народу вокруг, прелестной попке дочери

бывшего императора точно пришлось бы отвратить «горяченьких»... Однако сенешаль сумел сдержаться и высказал свое мнение вполне себе выдержанным тоном. Ну почти... Так что на военном совете, состоявшемся перед выходом, было решено не удаляться от ворот далее чем на десять дней пути и ограничиться рейдом по ближним предгорьям.

Однако к настоящему моменту временная дружина, почти декаду тому назад разделившаяся на два отряда, которые возглавили Лиддит и Даргол, уже отошла от Южных врат на расстояние в семнадцать дневных переходов. И решение о том, что пора поворачивать назад, пока еще не было принято. Уж больно удачно складывались дела.

За время рейда только возглавляемая герцогиней часть временной дружины, к настоящему моменту насчитывающая около четырех с половиной сотен мечей и копий, уже вырезала тринадцать становищ, безвозвратно потеряв при этом всего около полутора десятков бойцов... Ну ладно – около пяти, если считать всех серьезно раненных и увечных. И отнюдь не потому что в отряде все были такие уж умелые и подготовленные (скорее совсем наоборот), а потому, что противостояли им не опытные воины и шаманы, а такой же орочий молодец и самки... Впрочем, с другой стороны, и легкой прогулкой этот рейд тоже назвать было нельзя. Десятилетний орк-подросток, еще не прошедший посвящения в воины, весит как сорокалетний мужик и обладает схожей силой. А самка-орчанка так и еще тяжелее. И вполне способна прилично управляться с пращей и метать в пришельцев что-либо тяжелое из домашней утвари. Да и если приголубит дубиной или какой жердью – так же мало не покажется.

– Ну, потери у нас покамест не так чтобы очень большие. Так что я бы рискнул еще пару-тройку дней двигаться в сторону побережья. Авось еще одно-два кочевья удастся зачистить. А чем больше мы их возьмем к ногтю сейчас – тем меньше вероятность того, что они сумеют как-то организовать насчет набега, – Фодр сделал короткую паузу, а затем закончил: – Но вот двигаться дальше я бы не советовал.

– Почему?

Старейшина Зимней сторожи наморщил лоб, а затем потер его рукой.

– Дык, слишком нас мало. А через два дневных перехода приморские равнины аккуратно разбегаются во всю ширь. Так что надежно перекрыть фронт нашего движения патрулями уже не получится. Да и сами патрули на равнинах будут видны издалека. Точно кто-нибудь заметит... Так что вероятность того, что можем пропустить кого, а то и вообще не заметить какое кочевье, резко возрастет, – степенно пояснил он. Лиддит понимающе кивнула. Все их успехи были в первую очередь построены на внезапности, то есть на том, что все кочевья, на которые они нападали, были застигнуты практически врасплох. Да что там говорить – почти половина раненых и убитых в ее сотнях пришлась на всего лишь одно кочевье, в котором подкрадывающихся людей обнаружил уснувший не в шатре или там у костра, то есть в более-менее привычном месте, а при стаде, то есть за пределами становища, орчонок-пастух. С какого хрена он там оказался – было неизвестно. Вполне возможно, его вечером побили или выгнали старшие детеныши. Либо и то и другое, вместе взятое. Ну да и Темные боги бы с ним, но он проснулся в самый неудачный момент, когда они еще только окружали становище, и, разглядев людей, заорал, переполошив кочевье – от самок и стариков до варгов. Что обернулось для отряда восемью убитыми и более чем полусотней раненых, из которых почти два десятка тяжело. И если бы не гномы, успевшие сбить хоть и жидкий, но хирд... Так вот, если они оставят за спиной какое необнаруженное кочевье, то какой-нибудь орк-охотник или пастушонок из него, да просто кто-нибудь отъехавший по каким-нибудь делам на лигу-другую в сторону или просто решивший там навестить соседнее кочевье, вполне может наткнуться на следы их отряда. А это почти непременно должно будет привести не только к тому, что из пропущенного кочевья сразу же разошлют гонцов, после чего ни о каком эффекте внезапности не может быть и речи, но и с большой долей вероятности к тому, что сборная солянка из пропущенного становища и успевших к нему присоединиться орков из других становищ ударит момент и ударит им в тыл.

Причем не только им, но и, вполне вероятно, отряду Даргола. И даже этим возможные неприятности не ограничивались. Потому что если люди понесут серьезные потери, а то и вообще будут разгромлены, дело может дойти и до Орды! То есть ну как Орды... по всем привычным меркам та сборная солянка, которую орки смогут собрать, потянет максимум на набег, причем не очень и большой. Однако набег, по орчьим правилам, собирал род, несколько родов или, в крайнем случае, небольшое племя. Здесь же, скорее всего, никакому племени в одиночку набрать сил для сколько-нибудь серьезного набега не получится. Уж больно мало в кочевьях бойцов... То есть орки соберут всех, кого только смогут. Так что, хоть по численности это будет не слишком большой набег, по сути, и адатам – Орда. Пусть и слабая и составленная все из тех же сопляков и самок. Но даже и такой им в Арвендейле сейчас нахрен не надо! С таким количеством беженцев-то... То есть результатом всего одного неудачного боя вполне может стать не возросшая безопасность земель Арвендейла, а совсем наоборот – незапланированный набег. Тем более что варгов-то Зов никуда не забирал. А варги – твари грозные...

– Значит, говоришь, два-три дня? – коротко вздохнув, уточнила Лиддит. – Жаль. Хотелось бы проредить этих тварей как можно сильнее.

– А и сделаем, – хищно ухмыльнулся Фодр. – Я тут подумал – мы им напоследок очень неприятный подарочек можем оставить. Снега-то в степи уже и нет. И трава уже совсем вся сухая. Так что дождемся нужного ветра и подожжем степь. Орки живут скотом, а скоту нужна трава. Пусть даже и такая – зимняя и пожухлая. И если она выгорит – скот падет, и кочевья под зиму останутся без пищи. Новая-то трава до весны не появится! Так что к весне орков перемерет не меньше половины от оставшегося. И то если выжившие вовремя перейдут на орчатицу. А там, дадут боги, и герцог с нашими возвратятся. Тогда можно будет сюда сызнова наведаться и дочистить то, что не успеем сейчас...

– Хорошо, идем вперед еще три дня, а потом – поворачиваем домой, – после короткого раздумья кивнула герцогиня и приказала: – И давай отправь гонца к Дарголу. Пусть тоже потихоньку закругляется и поворачивает на соединение с нами.

Налет на обнаруженное становище прошел относительно нормально. Уже поднаторевшие во внезапных нападениях бойцы подобрались к костру, у которого сидели придремавшие сторожа, практически вплотную. Только хромой старик-орк в последний момент что-то почуял. Но сделать ничего не успел. Даже заорать... Так что стражу взяли в ножи. Ну, а потом все пошло как обычно – не успевшие проснуться самки и детеныши почти не доставили никаких проблем. А с варгами – главной ударной силой и основной опасностью в этом рейде, которых в этом стойбище оказалось всего пять штук, – расправились по уже ставшей привычной методе. То есть сначала тварей притормозили стрелами эльфы и охотники, а потом их утыканные стрелами тушки взяли на копыта гномы. Так что потери ограничились всего лишь пятью легко ранеными, из которых только один выбыл из строя относительно надолго. Да и то только потому, что все лечебные амулеты к настоящему моменту оказались полностью разряжены.

Следующий день, как обычно, увязывали добычу и формировали стада, которые теперь требовалось отогнать к Южным воротам. Что, впрочем, было весьма муторным занятием. Скот у орков был кочевой, то есть привыкший к свободному выпасу. Более-менее сносно управлять им способны были только специально натасканные варги из числа старых самцов и самок, уже не способных носить на себе воина. Вот такая у них была своеобразная пенсия... коих, естественно, всех помножили на ноль во время атаки. Так что управляться с ним было довольно тяжело.

Вообще-то в обычных условиях он никому и не нужен бы был. Поскольку являлся мелким и довольно худосочным. Если бы не беженцы. Да и то, что достался он, считай, на дармовщинку тоже сыграло свою роль. Тем более что на развод его никто оставлять не собирался – он практически весь должен был пойти под нож – на прокорм беженцам, сберегая осадные запасы городов, за счет которых тех содержали до этого. Так что, даже если не учитывать сокращение

орочьего поголовья, что, естественно, являлось основной целью рейда, его все равно можно было считать уже более чем окупившимся. Ибо до его начала пропитание беженцев было для Лиддит постоянной головной болью. Уж больно много их набежало в герцогство... И кто может знать, сколько еще народу набежит в Арвендейл? И в каком они будут положении и состоянии? Вот вследствие этого все, что можно съесть и чем можно защититься от холода, в орочьих становищах собирали и упаковывали весьма тщательно...

Впрочем, часть скота, вполне возможно, останется и на развод. Тем же беженцам. А то среди них такие попадаются – полная нищета. То есть бросили все и уехали в чем были. Так вот такие пока обрадуются и худосочным орочьим овцам. А уж как обживутся, да поднакопят жирок – тогда и поменяют. Тем более что у орочьего степного скота, при всех его недостатках, есть одно весомое преимущество – он неприхотлив. То есть вполне способен перезимовать на том, что выкопает из-под снега, какого в Арвендейле, в отличие от здешних мест, еще вполне хватало. Ибо подавляющее большинство беженцев, даже тех, что успели забрать весь свой скarb и скотину, совершенно точно не успели заготовить на зиму достаточно корма.

Следующее кочевье, налет на которое должен был стать последним в этом рейде, обнаружили только к вечеру третьего дня. И оно принесло неожиданный сюрприз... То есть на первый взгляд оно ничем не отличалось от всех предыдущих. Но так считали только до того момента, пока не вернулись разведчики.

– Госпожа, охотники обнаружили, что в стойбище есть люди, – коротко доложил Фодр, когда Лиддит, закончив обихаживать свою Алэрос после дневного перехода, уселась на брошенное поверх попоны седло и приготовилась подкрепиться скудным ужином.

– Люди? – удивилась герцогиня, отрываясь от котелка. И немудрено. Людей орки воспринимали только как пищу. Причем деликатесную. Так что даже рабы у них были практически исключительно из числа своих, тот есть орков. Да и было весьма немного. Рабов ведь кормить надо, одевать. Особенно в зиму. Поэтому большая часть работ по хозяйству выполнялась молодняком и самками. А тут вдруг люди!

– Да. И, похоже, они откуда-то издалека. Во всяком случае, те остатки одежды, которые есть на них, не похожи ни на то, что носят в Тем... то есть в Арвендейле, ни на одежду морского народа. Да и на тех, кто пришел в... Арвендейл с герцогом из империи я ничего похожего не видел. Хотя... – Фодр запнулся и пожал плечами, – империя велика и, вполне возможно, они из каких-то провинций, выходцев из которой мы еще просто не видели.

– Понятно, – задумчиво кивнула Лиддит, – я должна на них посмотреть.

– Госпожа, – нахмурился Фодр, – это довольно большое стойбище – мы начитали почти два десятка шатров, да и варгов там куда больше, чем в тех, что встречались раньше. Так что я не думаю, что ваше желание – это хорошая...

– Вот только ты не начинай, Фодр, – сердито оборвала его герцогиня, отставляя в сторону котелок, – мне одного Даргола выше крыши. Я тебе сказала, что должна на них посмотреть, – и сделаю это. В конце концов, я знакома с тем, как одеваются не только в империи, но и в большинстве соседних стран. Так что я лучше всех из присутствующих смогу определить, откуда эти люди.

– Ну-у, это можно было бы сделать и потом, когда мы их отобьем, – уже сдаваясь пробормотал старшина Зимней сторожи. А куда было деваться? Он знал свою госпожу достаточно хорошо, чтобы понять – если она начала говорить подобным тоном, противиться бесполезно...

– Не знаю, – с сомнением прошептала Лиддит, после того как почти полчаса рассматривала три унылых фигуры, собиравших кизяк в овечьем загоне. – Очень сложно понять, во что они были одеты до тех пор, пока их одежда не превратилась вот в это...

Фодр красноречиво вздохнул. Мол, а он что говорил?

– Ладно, расспросим, когда разберемся с орками. Постарайся, чтобы они во время атаки не пострадали. Их где-то запирают или как?

– Вряд ли, – пожал плечами старейшина Зимней сторожи. – Скорее всего, они ночуют с овцами. В шатры орки их точно не пускают, а если спать в одиночку – околеешь от холода. Сами знаете, госпожа, ночами без согревающих амулетов уже сильно холодно.

– Ну что ж – тем лучше, – усмехнулась Лиддит. Появление людей в глухом орочьем стойбище на окраине мира означало какую-то загадку. И это было хорошо. А то она уже устала от монотонной работы мясника, в которую превратился этот рейд. Именно этой усталостью и было вызвано ее упрямство...

3

Трой стоял у ограды ристалища в одной рубашке и, опираясь на верхнюю слегу, смотрел на то, как герольды сосредоточенно рассыпают песок по грязи. Его соперник, высокий, могучий мужчина, в этот момент как раз облачался в свой доспех.

До Парвуса они с графом Остевон добрались за три дня до начала Большого имперского совета. Всю дорогу бывший старший интендант восточного придела был сама любезность. Он рассказывал забавные истории, сыпал шутками, заказывал на постоялых дворах самое дорогое вино, но после рассказов Грикса Трой насчет графа нисколько не обманывался. Граф ничего не забыл и не простил. Просто... просто у него в этой поездке были свои цели, для успешного достижения которых ему требовалось максимально сблизиться с «выскачкой» и «темной лошадкой», которыми все еще оставался для большинства аристократов империи бывший наемник, так неожиданно для всех выбившийся в герцоги. Несмотря на всю его вроде как громкую славу... Так что всю дорогу до Парвуса Трой чувствовал себя мухой в паутине, которую искусно плел вокруг него граф Остевон. Впрочем, то, что вокруг него плетется паутина, он смог понять только потому, что уже вляпывался в нечто подобное. Во время своего путешествия в Светлый лес. Тогда его тоже опутали, выпотрошили, загрузили и наладили так, что на следующий день, во время встречи со Светлой владычицей, он, будто кукла-марионетка, «проплясал» всю встречу с Владычицей и Владетелями Великих домов так, как было нужно его «гостеприимным» хозяевам. Нет, на самой встрече его никто ни за какие «ниточки» не «дергал». Все было сделано куда искуснее. Во время вечернего «дружеского» разговора Алендил и Аслендил выпотрошили его, вытащив наружу весь его жизненный опыт, установки, чаяния, ценности и черты характера, оценили извлеченное, прикинули, как это можно использовать, а потом подгрузили так, что когда он оказался перед ликом Светлой владычицы, то на все внешние раздражители в виде обвинений, предложений и даже вроде как вполне невинных вопросов отреагировал именно так, как было нужно главе дома Асленгеронд. И то, что Трой тогда добился хотя бы части того, чего хотел, было не его заслугой, а всего лишь его удачей. Которая состояла в том, что чаяния Троя каким-то совершенно неведомым ему образом оказались не только не противоречащими, а даже как-то помогающими продвинуться к достижению своих целей и этим древним интриганам. В ином случае его миссия совершенно точно закончилась бы провалом. Хотя понял это будущий герцог Арвендейл уже много позже той памятной встречи.

Так вот, граф Остевон всю дорогу до Парвуса пытался сделать с Троем примерно то же самое, что и Аслендил. Но, увы, на фоне тысячелетнего эльфа все попытки бывшего старшего интенданта восточного придела выглядели откровенно убого. Так что на этот раз поле боя, скорее всего, осталось за герцогом Арвендейл. Не в том смысле, что Трой не сказал графу вообще ничего, а в том, что бывший старший интендант смог узнать от своего визави только то, что тот сам захотел ему сообщить. Ну, наверное... В конце концов, граф был тем еще интриганом и умел плести словесные кружева куда лучше бывшего наемника, выросшего в глухой деревне на самой окраине обитаемого мира. Так что где-нибудь Трой точно прокололся. Хотя он очень старался не выходить из явно сложившегося в голове у бывшего старшего интенданта образа жесткого, даже жестокого, но туповатого и недалекого вояки, которому просто повезло. А то, что граф воспринимает его именно так, Трое стало ясно довольно быстро. И по манере разговора, и по тем вопросам, которые бывший старший интендант восточных приделов довольно умело вплетал в ткань вроде как вполне беззаботной болтовни ни о чем, да и по манере, в которой эти вопросы формулировались. И именно потому, что ему приходилось всего лишь поддерживать уже сложившееся у графа впечатление о себе, а не делать нечто более сложное, он и надеялся на то, что у него все получилось. Так что дорога вышла... познавательная. И весьма.

На подъезде к Парвусу его встретил Арил. Уважительно поклонившись Трою и окинув графа таким демонстративно-пренебрежительным взглядом, он нарочито-сурово насупил брови и прямо-таки пафосно-торжественно произнес:

– Герцог, император желает видеть вас немедленно!

Трой слегка опешил от столь зашкаливающего пафоса, но затем до него дошло, что это некий спектакль и что его роль в нем, скорее всего, отнюдь не зрителя. Поэтому он, в свою очередь, тут же принял максимально горделивый вид и, даже несколько натужно напыжившись, величественно кивнул Арилу. После чего повернулся к бывшему старшему интенданту восточных приделов и небрежно бросил:

– Благодарю за приятную компанию, граф. Я вынужден вас оставить. Дела, знаете ли... – после чего пришпорил коня. Арил быстро развернулся и быстро пристроился рядом. Некоторое время они молча скакали рядом, а затем побратим негромко заговорил:

– Молодец, хорошо подыграл, – а затем легко мотнул головой назад: – Этот сильно достал?

Трой понимающе ухмыльнулся.

– Да нет, не очень. Но мозги напряг. Всю дорогу пытался выведывать кто, где, как, с кем и почему это граф Шоггир до сих пор не сковырнул с трона этого выскочку, который неизвестно каким путем смог натянуть себе на тупую башку императорскую корону, с которой совершенно не знает как обращаться.

Арил понимающе хмыкнул, а потом вздохнул:

– У нас такие приколы каждый день. Мало кто из знати верит в то, что Марелборо – это Марелборо. Некоторые умники вообще считают, что он – подставная фигура, то есть нечто вроде вешалки, на которую некто просто надел корону «повисеть». То есть ритуал до сих пор не проведен и императора фактически нет.

– Что? – ошалело переспросил Трой, натягивая уздечку. – Но... как это? Кто же тогда поверг Ыхлыга? И как на подобные разговоры реагируют те же Шоггир и Элиот Пантиопет?

– Они? – Арил хитро прищурился. – А никак. Потому что их здесь нет. И большинства тех, кто был с нами у башни Гвенди, тоже.

– А где же они?

– Да кто его знает? – ухмыльнулся Арил. – Император всех разослал с какими-то неотложными поручениями.

– Но... зачем? – нахмурился герцог Арвендейл. Он ничего не понимал. Ему казалось, что в данный момент император должен деятельно готовиться к освобождению Эл-Северина, для чего, по разумению Троя, ему надо было, максимально быстро покончить со всяким разбродом и шатаниями и собрать все силы людей в могучий кулак. А на самом деле, если он правильно понял рассказ своего побратима, Марелборо почему-то делал совершенно противоположное.

– А вот это ты сам у Марела спросишь, – усмехнулся Арил. – Приехали уже.

К императору Троя проводили всего через двадцать минут после того, как он появился в его заполненной людьми приемной. Что, по местным меркам, было почти мгновенно.

– Привет, сотник, – Марелборо поднялся из-за заваленного бумагами стола и, шагнув вперед, обнял его. – Уже в курсе, что у нас тут творится?

– Если вы о слухах насчет того, что вы, мой император, как бы и не вы... – осторожно начал Трой. Император с усмешкой кивнул. Трой замолчал. А потом удивленно спросил:

– Но почему вы этого не пресекли, сир? Ведь, насколько я понимаю, прекратить все эти сомнения достаточно просто. Достаточно продемонстрировать, что корона полностью вам подчиняется, и, даже если кто-то все продолжит не верить, что вы – тот самый Марелборо, никаких сомнений в том, что вы – истинный коронованный император, не останется?

– Угу, – усмехнулся Марелборо. – А потом мне придется еще лет десять разбираться с тем, кто, как, кого и насколько поддерживает, кто кому что обещал и кто с кого какие обеща-

ния требовал, так что ли? – император вздохнул. – Трой, пойми, монарх, сколь бы сильным он ни был и каким бы всевластным себя ни ощущал, никогда не бывает полностью и окончательно самодержавным. Он всегда более или менее, но зависим от тех, кто стоит рядом с ним. Недаром в клятве оммажа вассал берет на себя обязательства не только верно служить своему господину, являться по его зову на битву, но и давать ему советы. И я не хочу, чтобы эти советы давали мне те, кто спит и видит, как бы меня прикончить и занять мое место.

– Ваше? – Трой скептически хмыкнул. – Хотел бы я на это посмотреть. С короной-то...

Но Марелборо в ответ только осуждающе покачал головой.

– Твоему прежнему императору мощь короны не особенно помогла не только остаться в живых, но и даже не стать жертвой. К тому же... – Марелборо слегка запнулся, но затем все же решительно произнес: – Я еще не полностью восстановил свои силы. Да, с короной я многое могу, но по большому счету, куда меньше, чем ранее, и, скажу тебе по секрету, пока еще даже меньше того, что мог с ней прежний император. Вот поэтому мне очень важно узнать, на кого я действительно могу положиться, а кто просто затаился на время. А ситуация, когда большинство вокруг уверено, что еще ничего не предпрещено и что все еще можно переиграть в ту или иную сторону, очень способствует снятию масок.

Трой задумался надолго. Император не мешал ему, посматривая на своего верного вассала с едва заметной улыбкой.

– Понятно, сир, но... я все-таки не понял, как вам удалось добиться того, чтобы они поняли, что ситуация именно такова? Ведь Ыхлыг реально мертв! Какое лучшее доказательство того, что вы вполне способны использовать мощь короны, еще требуется? А это же первый и главный признак того, что коронация состоялась и вы – законный император.

– Я? – делано удивился император, расплывшись в совсем уж широкой улыбке. – С чего ты взял?

Трой снова задумался.

– М-м-м... все равно не понимаю, – произнес он спустя несколько минут. – Не сходится у меня что-то... Ведь даже если считать, что вы разослали с разными поручениями большинство людей, непосредственно участвовавших в схватке в подземелье башни Гвенди, слухи-то все равно не остановить.

– Слухи – не слишком достоверный источник информации, – усмехнулся Марелборо. К тому же я воспользовался правилом «Я лично знаком с одним парнем, брат которого...».

Трой озадаченно уставился на императора.

– В смысле?

Тот усмехнулся.

– Во-первых, ни один умелый управленец никогда не будет до конца доверять сведениям, которые получены от любых других людей, кроме тех, которым он полностью доверяет. Конечно, это не означает, что он не будет принимать их во внимание. Будет. Но скорее как повод для проверки, а не как достоверный факт. Потому что... слышал такое выражение: «Врет как очевидец»?

Герцог Арвендейл отрицательно мотнул головой. Император наставительно воздел палец.

– Запомни. Полезно... Ну, а во-вторых, если некоторой части информации, рассказанной непосредственными участниками событий, еще можно как-то доверять, хотя бы условно, то вот сведениям, полученным после тройной передачи, доверять не следует в девяти случаях из десяти. И любому Владетелю это прекрасно известно.

Трой снова ненадолго задумался, а затем едва слышно пробормотал:

– Я – раз, знаком с одним парнем – два, брат которого... хм, – он изумленно уставился на императора и восхищенно произнес: – То есть, разослав всех непосредственных участников событий и большинство тех, кто во время этих событий хотя бы находился поблизости,

и оставив в пределах досягаемости для ваших недругов исключительно людей, которые могут только пересказывать пересказы, вы...

Марелборо довольно кивнул:

– Да, полностью обесценил их рассказы. Как бы убедительно они ни рассказывали – их рассказы для знающих людей будут только увеличивать их собственный скепсис.

– Хорошо, – герцог Арвендейл уважительно склонил голову. – Спасибо за очередной урок, сир. Могу я узнать, какое место в вашем плане отведено мне?

– Ну, так для этого я тебя и пригласил, – хмыкнул император. – Ситуация уже достаточно накалена, и развязка может наступить буквально в ближайшие дни. А то и часы.

– То есть?

– Дело в том, что наши па-артнеры, – тут губы Марелборо скривились в усмешке, – отчего-то посчитали, что живой и здоровый Марелборо во главе Империи людей более опасен для них, чем орки в сердце континента, занимающие один из наиболее мощных городов-крепостей. Вследствие чего благодаря их... ну и не только, – улыбка императора стала слегка хитровой, – усилиям, часть аристократии решила примерно наказать «появившегося ниоткуда выскочку, случайно завладевшего короной», – судя по тому, как старый соратник Троя выделил голосом последние слова, он явно кого-то цитировал. – Но эта часть оказалась не слишком большой. А подавляющее большинство Владетелей оказалось гораздо умнее. И решило подождать и посмотреть, что такого я предъявлю на Большом имперском совете. Что для господ, организовавших комплот, не очень хорошо. Поэтому я предполагаю, что они готовят несколько серьезных провокаций. Которые мне, как ты понимаешь, в преддверии Большого имперского совета совсем не нужны. Как, впрочем, и во время его проведения. Ну, или как минимум нужно, чтобы те, кто их устроил, не добились своих целей. Понятно?

– И при чем тут я? – после некоторого размышления уточнил Трой. – Я как-то не очень умею...

– А тебе и не надо ничего уметь, – довольно фыркнул император. – Потому что ты сам – отличная точка фокуса для подобных провокаций. Тебе достаточно просто быть здесь – и они сами тебя найдут. А ты, насколько я мог убедиться, даже не будучи предупрежденным, то есть сам по себе вполне себе способен разрушить любые самые хитрые планы и заговоры.

– Герцог, пора облачаться, – негромко произнесли за спиной Троя. Он молча кивнул и, развернувшись, двинулся в сторону шатра, на ходу бросив взгляд на море голов, окружившее ристалищное поле. Да уж, народу здесь собралось... не только вся армия и жители Парвуса, но и из соседних городков и деревень тоже явно подъехали. А уж купеческой челяди сколько... Так что, можно не сомневаться, информация о сегодняшней схватке очень широко разойдется по городам и весям.

Он усмехнулся. Да уж, император оказался совершенно прав, когда обозвал его этой самой «точкой фокуса».

Несмотря на ожидания Марелборо, три дня, оставшиеся до начала работы Большого имперского совета, прошли вполне спокойно. Нет, Трой чувствовал направленные на себя косые взгляды, да и разные шепотки за спиной тоже временами раздавались очень... ну рука к мечу сама тянулась. Но в открытую отчего-то никто не лез. А вот вечером первого дня его работы...

Первое заседание Большого имперского совета прошло довольно мирно. Впрочем, это было вполне объяснимо. Потому что первое заседание по существу, было скорее ритуальным, чем содержательным. На нем по традиции обычно ограничивались только избранием маршалов Совета, в чью обязанность входило следить за порядком во время выступлений и прений, вследствие чего они лишались и права выступать, и права голосовать на Совете на все время его работы. Поэтому никто из наиболее влиятельных лиц в их число не баллотировался. Вследствие чего этот вопрос разрешился быстро и достаточно безболезненно... Потом был совмест-

ный молебен. Затем жребий, определивший кому, где и с кем рядом сидеть. Жребий оказался необходим вследствие того, что на этот раз Большой имперский совет проходил не в Императорском дворце, где у всех высоких родов империи уже были свои издавна определенные места, а в наскоро приспособленном для этого бальном зале герцогского замка. Да и сам состав представительств вследствие гибели от лап орков в Эл-Северине и его окрестностях множества весьма высокопоставленных лиц, начиная с самого графа Лагар, первого министра старого императора, тоже сильно изменился. Причем настолько, что от полудюжины родов, издревле заседавших в Большом императорском совете на этот Совет не прибыл вообще никто... На этом первый день закончился и всех присутствующих распустили до завтра.

В таверне, в которой он квартировал сотоварищи, Трой появился около семи часов пополудни, будучи изрядно утомленным всеми теми церемониями, в которых ему пришлось сегодня принимать участие. Одна только ругань недовольных выпавшим жребием на место рассадки чего стоила... а ведь после еще пришлось выслушивать официальные представления с зачитыванием всех родовых регалий! Да и перед молебном кое-кто пытался затеять свару, настаивая на том, что его-де поставили на отведенное ему место совершенно не по чину и что он имеет право стоять куда ближе к алтарю...

Все остальные из его десятка уже были там, расположившись за обширным столом, занимающим дальний угол обеденного зала.

– Привет, сотник, – громогласно поприветствовал его Гмалин, – садись, давай! Поросенок стынет...

– Вы что, от Марела, что ли, научились? – пробурчал Трой, падая на лавку рядом с Исаком. – Ну, какой я тебе сотник?

– Ага, – расплылся в улыбке гном. – Я тоже рад тебя видеть. Так тебе кусок окорока или шейку?

Трой вздохнул и махнул рукой. Горбатого могила исправит. Слава богам, его арвендейльцы были расквартированы за пределами городских стен. Как и все остальные отряды армии людей. Потому что, согласно императорскому указу, размещаться в городе было разрешено только прибывшим на Большой совет. Причем с собой они имели право взять только десяток ближников. Уж больно много народу собралось в окрестностях Парвуса... А то такие бы слухи по герцогству пошли – мама не горюй! Впрочем, это он поздно спохватился. Слухи о нем и так всюду цвели и пахли. Так что даже окажись арвендейльцы сейчас здесь, в таверне, они бы точно не особенно удивились происходящему...

– Да что хочешь. Мне сейчас кусок в горло не лезет. – Он покосился на сидящего на дальнем конце стола эльфа, а потом неожиданно замер и несколько секунд недоуменно пялился на него, после чего перевел свой ставший подозрительным взгляд на гнома.

– Эй, а чего это вас не было на Совете?

– А с чего бы это нам на нем быть? – осклабился гном. – На Большом имперском совете имеют право присутствовать только владельцы доменов. А владелец домена у нас – ты. Вот ты и отдувайся...

Трой нахмурился:

– Гмалин, булыжник ты однорукий, ты мне тут не прикидывайся. Согласно статье двадцать третьей Уложения Истевериана одиннадцатого все владельцы поселений гномов и эльфов на территории империи приравниваются в правах к владельцам доменов вне зависимости от того, являются ли они личными или опосредованными вассалами императора или нет.

– О, как! – гордо произнес гном, ловко орудуя ножом. – Вы слышали, побратимы? Вот это и называется – образование! Как срезал-то, – и он воодушевленно взмахнул ножом, брызнув по сторонам каплями жира.

– Ты поаккуратней руками-то размахивай, – сварливо пробурчал Бен-Цахор, – и давай уж режь скорее. Жрать уже жуть как охота! Да и выпить тоже.

– Так вы что, – удивился Трой, – еще не?

– Да этот коротышка все заладил – подождем да подождем... вот мы и сидим здесь уже полчаса как, – все так же сварливо пояснил идш. – Слюнями давимся...

– А не хрен жрать за спиной у товарищей, – веско заявил гном и бухнул на тарелку Трою изрядный кусок хорошо прожаренной свинины. – А то вам только дай волю – и к приходу сотника от угощения только обглоданные ребра останутся. А он, сами видите, как отошал. Лиддит увидит – будет нам на орехи.

Ответом ему был громкий смех за столом.

Когда все отсмеялись, Трой снова повернулся к Гмалину.

– Ты давай не увиливай от ответа. Почему вас не было?

– Марелборо велел сидеть в этой таверне и не высовываться, пока он не разрешит, – вступил в разговор Алвур. А Гмалин, ловко одарив сочным куском свинины тарелку Арила, добавил:

– Он считает, что мы с ушастым – первые цели для провокаций. – Гном криво усмехнулся. – Наши родственнички своим союзникам из числа имперской аристократии точно заказали нас в первую очередь.

Трой задумался, а затем медленно кивнул. Вот, пожалуй, и объяснение тому, почему эти три дня прошли относительно спокойно. Похоже, первая атака готовилась не на него, а на его побратимов. А они безвылазно сидели в этой таверне под охраной гвардейцев графа Шоггир. Это сегодня их всех стянули для охраны герцогского замка, а до того от них тут было не протолкнуться. А он-то голову ломал... Интересно, а теперь чего следует ожи... но додумать он не успел. Потому что входная дверь таверны распахнулась от сильного пинка, и внутрь, пьяно гомоня, ввалилась дюжина весьма богато одетых дворян. У Троя засосало под ложечкой. Вот оно...

Компания по-хозяйски расположилась за центральным столом, и самый здоровый среди всех заорал:

– Эй, хозяин, вина! И закуски! У нашего друга – виконта Аскавирала сегодня знаменательный день. Он впервые представлял свой род в Большом имперском совете! – и все, сидевшие за его столом, одобрительно загомонили. Трой повернулся и посмотрел на Гмалина с Алвуром. Те явно напряглись. Да и все остальные также поставили на стол кружки и слегка отодвинулись от столешницы, положив руки на рукояти мечей и кинжалов. Бывший десятник на мгновение задумался, а затем коротко бросил:

– По моей команде всем, кто сидит со мной, – привстать с лавки...

Ситуация между тем продолжала развиваться своим чередом. Сидевшая за центральным столом компания демонстративно высосала принесенный хозяином кувшин вина, после чего громко загомонили, бросая по сторонам пренебрежительные взгляды. Трой слегка отвернулся, продолжая следить за происходящим в полированный бок большого пивоваренного котла, возвышавшегося сбоку от стойки. Зеркало было так себе, но то, что нужно разглядеть, было вполне возможно.

– О-о-о, смотрите, виконт, а тут эльфиечка! – и тот самый дюжий заводила добродушно толкнул изрядно набравшегося юношу, сидящего рядом с ним в бок. – Не желаете ли познакомиться?

– Ав... – юный виконт пьяно икнул, – вде н-на?

– Да вот же, смотрите, сидит за столом в какой-то странной компании, одетая в мужскую одежду.

– Аа-а, счас, ик! – снова икнул юноша и, растянув губы в крайне дурацкой гримасе, очень слабо напоминающей улыбку, начал подниматься из-за стола.

– Встали, – тихо прошипел Трой, сузившимися глазами следя за виконтом, с помощью здоровяка уже сумевшим выпростать из-под стола правую ногу. С левой пока была проблема...

– Хресь! – Из тяжелой дубовой лавки, похоже, специально сделанной такой массивной именно для того, чтобы никто не смог использовать ее в кабацкой драке, что, впрочем, никак не спасло ее от подобного использования, получилась весьма эффективная бита, которая напрочь снесла не только юного виконта, но и большинство из его компании. Так что таверна мгновенно оказалась заполнена воплями и стонами валяющихся на полу людей. Трой же хищным движением перемахнул стол и, подскочив вплотную к здоровяку-заводине, чудом увернувшись от лавки, который в настоящий момент с перекошенным лицом тянул из ножен меч, коротко, без размаха, вломил ему кулаком под дых.

– Х-хек... – глубокомысленно вякнул тот и осел на пол. В этот момент в таверну ввалились гвардейцы графа Шоггир вперемишку с какими-то еще воинами, одетыми в сине-желтые котты с незнакомым гербом. Трой дождался, когда новые зрители заняли, так сказать, наиболее понравившиеся им места, после чего навис над все еще судорожно глотающим воздух здоровяком и громко и отчетливо бросил ему в лицо:

– Тупое быдло! – После чего набрал полный рот слюны и смачно харкнул ему в рожу...

Когда бойцы наконец-то появились из своих палаток, толпа, окружившая ристалище, возбужденно загомонил. Ну, еще бы – подавляющее большинство тех, кто теснился вокруг ристалищного поля, до сего момента ни разу не видели тех доспехов, благодаря которым герцога Арвендейла начали именовать Алым герцогом. Хотя слышали о них многие. Слышали, но не особенно верили... А тут оказалось, что как минимум одна легенда о герцоге Арвендейле оказалась правдой. И у него действительно есть доспехи из чешуи Раш. Соперник же Троя заметно сбледнул с лица. Потому что если одна «сказка» внезапно оказалась правдой, то, вероятность того, что все остальные легенды об Алом герцоге также могли иметь под собой реальную почву, резко возросла. А это было не совсем то, на что подписался барон Ишмуар. И так все пошло не по плану... Драться должен был именно виконт Аскавирал. Это был беспроектный вариант! Юный виконт не был известен как сильный боец, так что победа ему особенно не светила. Но на нее никто из тех, кто разрабатывал всю интригу, особенно и не рассчитывал. Наоборот, этот наивный юнец должен был сыграть роль жертвенной овцы, которую отдали на закланье... В принципе, все было рассчитано тонко. В первую очередь они должны были попытаться раскрутить на схватку именно эльфа. Потому-то и провоцировать он начал именно его. Но если тот решит просто высокомерно (как это делали все эти ушастые сволочи) проигнорировать нанесенное ему оскорбление, второй целью был определен как раз новоиспеченный герцогиска. Судя по рассказам графа Отсевона, уверявшего, что за время совместного путешествия от окрестностей Эл-Северина, он успел его хорошо изучить, выскочка был туповат и жесток, но крайне пристрастно относился к своим людям. И уж точно должен был резко отреагировать на выпады в адрес своих побратимов. Так что в его отношении провокация должна была удалась на сто процентов... Ну а дальше все просто – оскорбление, судебный поединок, задача свести дело к которому как раз и была возложена на барона, поскольку сам виконт к тому моменту, как будут разворачиваться все эти события, уже должен был дойти до состояния, при котором у него исчерпались бы любые возможности к членораздельной речи – и дело в шляпе! Вне зависимости от результатов поединка... Нет, шансы у виконта были. Если бы вызов последовал от бывшего наемника, то есть право определения оружия осталось бы за виконтом, барон должен был настоять на конном поединке на копьях, в которых, судя по тому, что удалось узнать об этом самозваном герцоге, тот был не слишком силен. Если же было бы выбрано любое другое оружие – виконта неминуемо ждала гибель... которая должна была привести в большую ярость его многочисленных родственников и не менее многочисленных друзей семьи Аскавирал, пользующейся на севере весьма большим влиянием. Да и сам виконт был вполне славным малым и успел обзавестись немалым количеством знакомых, относящихся к нему с искренней симпатией. Так что его смерть должна была эмоционально задеть довольно большое число людей... Ну да жертву подбирали тщательно и весьма компетентные люди. И у барона было

несколько заготовок того, как привести ситуацию к необходимой кульминации... Но эта тварь сломала все тщательно рассчитанные планы! Ну кто мог подумать, что этот урод плюнет ему в лицо? Кто?! И это – дворянин? О, боги, ну почему вы столь несправедливы к благородной крови и позволяете претендовать на место в высоком сословии тем, у кого в голове нет никакого понятия о чести рода, о куртуазности, о простых правилах приличия, принятых в среде благородных, наконец?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.